

Территория Творчества

Девять
Группы
Жизней

День
открытых
дверей

Валентина Спирина

**Девять жизней. День
открытых дверей**

«Издательские решения»

Спирина В.

Девять жизней. День открытых дверей / В. Спирина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935961-2

В нашей группе во ВКонтакте «Территория Творчества» проходил День открытых дверей. День, когда на стене группы можно было разместить яркое, красочное объявление любой другой группы или авторской страницы. И в этом сборнике представлены лучшие произведения... Да! Да! Да! Девяти групп, которые не поленились и очень творчески рассказали о себе. Сборник получился очень насыщенный в плане жанров и, надеемся, понравится вам, дорогие читатели.

ISBN 978-5-44-935961-2

© Спирина В.
© Издательские решения

Содержание

Территория свободного творчества	6
Руслан Веселов	7
Блуждающий странник	7
Два письма	9
Хранитель снов	11
Берегущий сны	14
Однажды я видел сон...	17
Полосатые неприятности!	19
Сказка о Звере...	25
Свидание с Музой	28
Ромашки на Льду	30
Людмила Ромашкина	31
Отдам дракона в хорошие руки	31
Имя ей Любовь	35
Кто я?	42
Поговорим?	43
Настоящий поэт	44
Love story	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Девять жизней День открытых дверей

Редактор Валентина Спирина
Дизайнер обложки Валентина Спирина
Корректор Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-5961-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все произведения и фотографии в сборнике изданы с согласия авторов, защищены законом Российской Федерации «Об авторском праве» и напечатаны в авторской редакции.

Территория свободного творчества

Руслан Веселов

Блуждающий странник

*«Если ты ищешь света, то, в конце концов, можешь его найти.
Но если ты ищешь тьму, ты всегда и везде будешь видеть только тьму».*
Дядя Айро, Аватар.

Я пишу эти строки, но вместо букв вижу дорогу. Долгую и очень тернистую. Я вижу себя и вижу руки, обнимающие меня со спины моей Музы... Она сейчас человеческих размеров, но так же невесома, как и всегда. Она прижимается к моей спине и стискивает в своих кулачках старенький камуфляжный китель на моей груди. Она уже не плачет. Только пытается успокоить меня. А я всего лишь иду по дороге воспоминаний.

Это будет трудный путь. Вокруг меня окружает Тьма и видно лишь узкую звериную тропку. Я не ведаю, где я. Над моей головой смыкаются ветки мертвых деревьев, а шаг затрудняют заросли высокой травы и кустарника. Внезапно тропинка выводит меня на маленькую поляну. Муза снова стиснула свои кулачки.

Посреди усыпанной прелой листвой поляны в самой тени лежал Зверь. Я подошел ближе и опустился на одно колено подле его головы. Зверь умирал. Я помню тебя. Помню сказку написанную мной про тебя. Историю твоей недолгой жизни. Прости меня мой добрый герой. Прости за ту концовку, что я дал тебе. Всё, что я могу сделать, это провести твои последние мгновения рядом с тобой. Это меньшее что я могу сделать. Муза плачет и едва сдерживает всхлипы. Чувствую влагу от её слез на лопатках. Мне тоже грустно.

Где-то на периферии зрения мелькнул маленький белоснежный котёнок. Я оглянулся, но всё, что увидел – это маленький полевой цветок, озаряемый, неведомо как пробившимся в это царство Тьмы, лучиком света. Печальная улыбка. Я знаю тебя. Помню. Ты тоже был рядом с моим героем. Был его ангелом-хранителем. С левого плеча раздалось легкое мурлыканье и что-то мягкое и теплое потерлось об мою щеку.

Зверь вздохнул, в последний раз и мне осталось лишь прикрыть ему глаза. Муза уже не плачет. Она опускает на голову Зверя маленький венок из цветов и трав. Мы уходим и только грустный белоснежный, словно светящийся изнутри котенок смотрел нам вслед...

Тропинка вела через Тёмную чащу все дальше, но нет бесконечных дорог. Закончилась и эта. Деревья расступились, и мне открылся простор Светлой равнины. Мягкое тепло ласкового солнца, одуряющий запах трав, стрекот цикад. И белоснежный котенок, бредущий впереди нас по солнечной тропинке бок обок с едва различимым силуэтом Зверя. Они оглянулись и словно улыбнулись нам. Я продолжил свой путь. И мир вновь переменялся.

Это лес неиспорченный присутствием человека. Вековые деревья и совершенно непуганые животные. Муза с широко раскрытыми от удивления глазами, смотрит, как тигр пьёт воду рядом с косулей. Смеётся, когда пожилой лис начинает распекать молодого тигра за его беспечность и неряшливость. С любопытством смотрит на барсука, обнюхивающего соломенную куклу и заливается радостным смехом, глядя как два тигренка, испугались зайца. Восхищенно проводит рукой по лепесткам лотоса и возмущенно вскрикивает, когда дух-хранитель водоёма лукаво брызгает в неё водой. Я рад, когда ей хорошо. Это почему-то меня успокаивает и настраивает на рабочий лад. Но наше путешествие ещё не окончено. Мир меняется вновь...

Мы идём по вечернему средневековому городу. Это фэнтези мир, где люди сосуществуют с «иными» расами. Эльфы задирают цены при виде гномов, а тролли выколачивают грант с городской ратуши на строительство моста. Трактор, где уставший Тигр-зверолюд травит

байки под пинту эля трактирщику свину. Трактирщик радостно смеётся, похрюкивая себе под пяточок и проставляет всем посетителям эль за счёт заведения. Муза, не удержавшись, пригубила из большой глиняной кружки и уже с третьего глотка свела свои глазки в кучку. Я тяжело вздохнув, поблагодарил радушного хозяина и взвалив свою красавицу к себе на плечо снова тронулся в путь...

Мы стоим в углу маленькой спальни и с умилением слушаем, как пожилая женщина рассказывает сказку своей внучке. Муза ловит каждое слово и как-то странно косится в сторону шифоньера. Проследил за её взглядом и присмотревшись с удивлением узрел огромного ирбиса вольготно лежащего прямо на шкафу. Хранитель снов... Я благодарно поклонился ему и получил в ответ такой же поклон пятнистой головой. Над ним словно искрились снежинки и по чуть голубоватой шерстке, блуждал иней. Он, явно, что-то плёл в своих лапах. Что-то светлое и пахнущее морем. Были слышны крики чаек и плеск морских волн. Мы тихонько выскользнули из дому на темную улицу и отправились в путь...

Мир менялся все снова и снова. Муза порою смеялась, где-то грустила, а в какие-то моменты прижималась к моей спине, успокаивая меня своим теплом. Я часто чувствовал то на одном, то на другом плече присутствие маленького белоснежного котенка, но как ни пытался взглянуть на него, раз за разом видел лишь пустоту. Муза же тем временем с любопытством читала письма из конвертов. Старого с Лениным на марках и нового с непривычными голограммами и треугольным штрихкодом. Первое у неё вызвало улыбку, а второе явно её расстроило. Что поделать... не каждое письмо несет в себе позитив и радость.

Я стою посреди пустоты, а в руках ласково придерживаю целый мир. Населенный моими героями, омываемый морями и океанами, мир, в котором есть место для доблести и чести. Но, как и у всякого творца, мой мир не совершенен. Там есть и боль и лишения. Войны и пустые города... Это не делает его плохим или хорошим. Разве что просто живым. Хотя бы для меня.

Муза ласково прикоснулась своими ладошками по верх моих, помогая чуть-чуть приподнять мой, нет, НАШ маленький мирок немножко повыше. Чтобы было лучше видно наших героев. Тех, в кого мы уже вдохнули жизнь и тех, чьи истории ещё не рассказаны...

Два письма

«Когда кто-то исчезает из твоей жизни, и ты больше никогда его не увидишь, но ты хотел бы сказать ему то, что не успел, что-то очень важное... Ты берешь бумагу и карандаш... И пишешь письмо. Оно может быть длинным, а может в одно слово... Ты пишешь тому, кого уже нет... Но не отправляешь, а просто складываешь, подносишь к огню и сжигаешь... И ветер уносит пепел и ту боль, которая была внутри тебя...»

«Джиневра. Три метра над уровнем неба: Я тебя хочу»

Однажды проверяя свой старый почтовый ящик на наличие счетов, я обнаружил два письма. Это были необычные послания. Первый конверт был изрядно потрёпанным и пожелтевшим от времени. Старые марки с профилем Ленина и штамп «Почта СССР». На нём неровным детским почерком были выведены адрес и имя получателя. А так же дата, когда это письмо должно быть вручено мне в руки. Второй же конверт был герметичным из непривычного, но на удивление, приятного на ощупь, дорогого пластика. Оформлен под старину со стилизованными желтоватыми пятнами и разводами. Все поля были заполнены прописным, но явно из под принтера, шрифтом. Вместо – марок впаивная в пластик конверта голограмма с трёхмерным голубем. Непонятный треугольный штрихкод и та же дата получения, что и на предыдущем письме.

Я решил начать с первого письма, которое мне показалось смутно знакомым. Кажется, я когда-то пользовался именно такими конвертами. Да и почерк похож на мой. Всю жизнь с детства пишу, как курица лапой... Отрываю край и достаю письмо...

«ЗДАРОВА!!!! Это я! Ну тоест ты но из третьего Б класа. Ну тыже помнишь? Ты летал на луну? Какая она? Там есть инопланетане? Жалко что ты не можешь ответить. Или можешь? Слушай ответ есле можно очень нужно. У те (зачеркнуто ручкой слово) вас уже есть машина времени? Вот бы встретится. Тыбы помог мне делать домашку. А ещё ты научилбы меня ловить преступников. Хочу стать милиционером (слово было тщательно выделено). Ты стал им? А какое у тебя звоние? Стопудово мойор...»

Я грустно улыбнулся и, откинувшись в кресле, на минуту прикрыл глаза... Это было в третьем классе. Мы с одноклассниками, как бы играя, написали письма самим себе. Даже даты указали. 15 сентября 2018 года. Мы отнесли письма на почту в полной уверенности, что получим их через двадцать пять лет. И как ни странно, но моё письмо дошло до меня. Я вновь приступил к чтению.

«...интересная звание. Эх. Скорей бы стать взрослым. Тожже хачу ловить воров и бондитов. А ещё хочу чтобы мама мной хвасталось перед тетками. Хочу быть как ты. Хочу быть хорошим. Ты выш (слово зачеркнуто) женился? Как завут жену? Нехочу обознатся а то вдруг не ту выберу и у тебя не та будет. А у нас сейчас тепло. Виталик завет на пирс после уроков крабиков собирать. Ладно удачи небуду отвлекать от работы. Лови бандитов. И пистолет чтобы был. Как у дяди Андрея. Макаров во! Все пока!»

На последних строчках мне стянуло горло и в глазах появилась резь. Когда-то я действительно хотел служить в полиции. Тогда она была милицией. Хотел, пока постепенно не узнал всю сложность и неблагодарность труда следователя. Нормы и самодурные приказы сверху. Отсутствие каких-либо льгот, откровенная ненависть и недоверие людей. Необходимость под-

чинятся системе, даже если она порою откровенно продажна. Жена... когда-то у меня была первая любовь. Были попытки создать семью. Жалкие и неуклюжие с моей стороны. Всё искал свой идеал, но постоянно забывал, что идеальной девушке нужен идеальный мужчина. Тот, кто защитит и обогреет. Кто принесёт в дом достаток и будет хорош собой. Последняя девушка ушла от меня с обидой и слезами. Я честно пытался быть ей хорошим мужем, но всегда была какая-то помеха. Где-то этой помехой была моя наивность, где-то подлость «родни», в чём-то мы были разными, а самым страшным оказалось то, что я был лжецом. Я пообещал ей то, чего не смог выполнить. И с этой точки всё моё хрупкое подобие счастья начало рассыпаться, как картонный домик...

Я тяжело вынырнул из омота тёмных воспоминаний и взял в руки второй конверт.

«Здравствуй, Руслан.

Как ты уже догадался, я – это ты, но в отличии от предыдущего письма – уже из будущего. Сейчас 15 сентября 2058 года. Мне уже семьдесят восемь лет. Я не буду рассказывать тебе особо про свою жизнь. Это была просто жизнь. Где-то одинокая, а где-то наполненная радостными моментами. Где-то грустная, а в чём-то интересная. Я был женат. Дважды (стоит лукавый смайлик). Но, увы, не долго. Детей бог нам так и не дал. И теперь единственные существа, скрашивающие мой стариковский досуг – это уже седьмой по счету клон моего кота Сэма и интерактивная жена Настя. Думаю, для тебя не будет большим откровением наличие у людей в будущем клонов питомцев. Мой кот умирал от старости, и как раз в это время на рынке услуг появилась возможность клонирования своих любимцев. Мне было невмоготу расстаться с Сэмом, и я подписал договор. К сожалению, клоны не всегда живут долго. Технология клонирования всё ещё не совершенна. Так что со временем у меня появился Сэм III, а за ним и прочие. Интерактивная жена. Не говори, что не понимаешь, о чём речь. Даже в твоё время они уже были. Правда, только первые прототипы, да и те были созданы японцами для внутреннего рынка. Это сейчас таких «жён» производят все более или менее крупные компании по всему миру. Суррогат, конечно, но для одиночки порою даже это за радость. Она дистанционно управляет бытовой техникой. Следит, чтобы я вовремя использовал инъекционный пластырь с моими лекарствами. С ней можно даже просто поговорить... Каких-то 30—35 лет назад я и подумать не мог, что буду признателен за заботу простой цифровой голограмме с искусственным интеллектом. Что ж... Я уже и так слишком много наговорил. Напоследок хочу дать тебе советы.

Не берись за то, чего нет возможности удержать.

Держи всеми силами то, что имеешь здесь и сейчас.

Не пытайся удержать то, что уже потеряно.

И как бы ты не старался, но нельзя склеить то, что было вдребезги разбито.

Будь честен и не давай надежд, которые не можешь оправдать.

Будь смел и всегда будь готов дать отпор там, где мог бы просто уйти.

Твоё ворчливое Я из будущего.

Удачи парень.»

Я был обескуражен и растерян. Это письмо действительно было моим. Даже, несмотря на возрастную налёт, явно был мой образ мысли. Моя манера уходить от главного, вдаваясь в ненужные детали. Моё будущее...

Хранитель снов

Пролог

Умеете ли вы мечтать? Можете ли вы создать в мечтах целый замок? А если даже и не замок, а целый мир? Мы рождаемся, взрослеем, стареем и в конечном счете «уходим» за край... Однако даже у самого черствого человека есть хотя бы одна потаенная мечта. Мечта, которая прошла с ним весь жизненный путь. С самого детства. Ведь, как известно только дети могут мечтать по-настоящему. И верить в свои мечты...

Отступление первое...

Бескрайняя снежная пустыня. Нет ветра, нет неба, нет времени. Только снежная и холодная бесконечность. Мои глаза закрыты уже вечность. Мне не на что смотреть в этой пустыне. Как же давно это было. Как давно я не был в мире смертных. В мире, где люди умеют мечтать. Грустно быть последним. Люди забыли про нас и от этого мы стали исчезать. Новые религии и новые боги покровители. А тех, кто испокон веков шел бок о бок с людьми просто забыли. Когда-то это место не было заснеженной пустыней накрытой тьмой. Здесь кипела жизнь. Не такая как в мире смертных, а своя собственная хоть и тесно связанная со смертными. Смертные... Как оказалась мы не так уж и бессмертны в сравнении с людьми. Более того мы оказались напрямую от них зависимы. Зависимы от их памяти и веры в нас. В духов природы и стихий. Я последний и мне уже немного осталось. Все что мне нужно это перестать верить в людей...

Где-то в маленьком селе в Сибири...

Снова крики. Папа вновь пришел пьяным, а мама снова начала на него кричать. Ну почему папа не может прекратить? Почему это так сложно? Вот бы было, так как раньше. Когда у папы была прежняя работа, когда мама чаще улыбалась... Что-то тяжелое стукнуло в стену. Наверное, мама снова начала бить посуду. Жалко. И обидно. На глаза навернулись слезы. Хочется убежать от сюда. Куданибудь далеко-далеко и никогда сюда не возвратятся. По щекам покатались первые слезы. Обидно. В тоске обняла куклу, крепко прижав к себе. Меня уже давно никто не обнимал, так хоть я обниму её. По щекам катились предательские слезы. Может вправду убежать? Может это все из за меня? Если уйду, то может они хоть тогда, перестанут ругаться? Тихонько прошмыгнула в прихожую и быстро надела валенки. Красивые. С грустной улыбкой вспомнила бабушку, которая вышила на них красивые ромашки бисером. Бабушка! Вот кто всегда мне рад. А сколько она знает и помнит! Окрыленная этими мыслями я быстро оделась и выскользнула во двор. Уже поздно и света на улице уже нет. Как-то стало боязно, но раз решила уйти значит нужно идти до конца. Так меня бабушка учила. Крепко прижала к себе куклу и быстро-быстро, побежала в конец улицы по легкому снежку. Хорошо, что бабушка живет рядом. А вот и её двор. Быстро заскочила в калитку и побежала к крыльцу. Аккуратно обстучала валенки друг об дружку и набравшись смелости, постучала в дверь старым престарым дверным молоточком.

– Кто там? – раздалось в ответ. Сердце предательски сжалось в комочек. В прихожей загорелся свет и заскрипел дверной засов.

– Ох, ты ж... Аленка?! А ты почему одна и так поздно?

Детские губки дрогнули, и Аленка с ревом бросилась к бабушке. Бабушку звали Антонина или просто баба Тоня. Что тут скажешь. Чай не первый год живет. И голодные послевоенные годы помнит и обоих своих мужей царствие им небесное. Тут тоже все было понятно без слов. Опять сынок на веселее пришел да невестку на скандал провоцировать начал. Есть грех,

не досмотрела видать где-то, не уследила, раз таким не путевым стал. Одна радость внучка растёт умницей. Только жаль, что малышка все это видит, да только что она старая сделать сможет. Разве что утешить. Помогла раздеться внучке и повела её в кухоньку. Аленка тут же забралась на табурет. Бабушка Тоня невольно улыбнулась, вспомнив сына в этом же возрасте и на этом же табурете.

Так вечер и прошёл с горячей кружкой чая и так любимыми Аленкой ватрушками. Видя, что малышка начала клевать носом бабушка быстро убрала со стола и повела, её в комнату и уже уложив её в постель, внезапно натолкнулась на совершенно не заспанный и какой-то серьёзный взгляд внучки.

– Баба, а расскажи сказку. – Тихонько попросила маленькая непоседа.

– Ох, а про кого? Давай про Дюймовочку?

– Не баб ты мне про неё уже рассказывала. Ты мне уже про всех рассказывала. Расскажи чтонибудь новое. Ну, пожалуйста! – и смотрит внимательно.

Вот те раз. Новое? А где ж его возьмешь-то это новое? А впрочем... Помнится первый муж ещё в те в давние в советские годы как-то ездил на Алтай от археологической кафедры с института. И тетрадей с кучей всяких местных преданий привез много. Уж сколько лет на антресоли пылятся. Немного повздыхав, бабушка Тоня встала на табурет и заглянув в антресоли, извлекла пару старых пожелтевших от времени тетрадей. Та-а-ак что тут у нас? Чудозверь Манна не то... Хозяин гор Ирбиш хм... может позже... Хранитель снов.... Вроде подходит.

– Ну что ж будет тебе сказка. Сказка про Хранителя снов снежного барса. Слушай. Давным-давно когда духи жили среди смертных...

Отступление второе...

Что-то изменилось... что-то словно, позвало меня из моего забытья. Как странно. Мои веки дрогнули и с них опал иней. Снежная пустыня изменилась. Прямо посреди неё стояло какое-то старое и уже немного покосившееся строение. А в одиноком окне горел не яркий огонек. Что-то дрогнуло в моей душе. Разве это возможно? Может это прародительница всех духов Манна шутит? Но нет. Это дом. Дом, в котором вспомнили про МЕНЯ. И не просто вспомнили, а призывают так, словно во мне нуждаются. Я невесомой дымкой оторвался лапами от снежного покрывала пустоши и облетев дом по кругу, сделал робкий шаг в него. Маленькая комнатка. На кровати лежит маленькая девочка, а сидящая рядом пожилая женщина подслеповато щурясь, что-то читала ей вслух из рукописей в своих руках. Я невольно заслушался. Да ЭТО была моя история. История обо мне и тех, чьим покровителем я был когда-то. Я невесомым и невидимым подлетел к кровати и ласково провел лапой по лицу девочки. Снежные крупинки, дарующие сны засеребрились под моей лапой и девочка смежила веки. Я взлетел на потолок и с удовольствием разлегся на нем прямо за тем деревянным ящиком, в котором смертные хранят свою одежду. Я ласково провел лапой, перед собой сдувая серебряные снежинки сна. Пожилая женщина даже и не заметила, как уснула. Пусть поспит. Добрый сон это все чем я могу отблагодарить её за то, что призвала меня. Я грустно заглянул в её воспоминания. Понятно. Значит предания и легенды записанные в тетради... Вот значит кто я? Всего лишь старое предание. Легенда... Что ж... пусть так, но даже за это я благодарен тебе смертная. Прочел воспоминания девочки. Какое красивое имя Алён-Ка... Что ж спи дитя я дарю тебе мечту...

Где-то в маленьком селе в Сибири...

Я радостно бегу по берегу моря. Такая чистая и теплая вода! И не чего оно не синее, а чуть-чуть зеленоватое. Мама с папой радостно улыбаются и машут мне руками, зовя к себе. Я, не удержавшись ещё немного пробежала, создавая из под ног тучи брызг и радостно смеясь, бросилась к своим на ручки. Папа тут же меня подхватил и подняв на руках высоко-

высоко, закружил. Восторг и радость буквально распирала меня и только чайки кричали над нами! Мама снова улыбалась и придерживая панамку, фотографировала нас с папой. То как мы строим замки из песка и я в нем была самая главная принцесса... Только котик тихонько лежал в тенечке на покрывале и ласково жмурился на солнышко. Какой красивый котик. С белой с чуть голубоватым отливом шерсткой покрытой темными пятнышками. Ну, вылитый леопард. Как на картинке в книжке, которую мне показывали мама и папа. Я ласково погладила котика и побежала к своим купаться...

Отступление третье...

Котик... вот значит, в каком образе я ей представился... Что ж пусть так. Спасибо тебе дитя что может и не осознано, но позволило прикоснуться к твоей мечте. Здесь тепло и ярко светит солнце. Как же давно я не видел солнце. Я перелег на солнышко и ласково жмурюсь, подставил под его нежные лучи свой пятнистый бок...

Где-то в маленьком селе в Сибири...

На утро в дом бабушки Тони постучали. На пороге стояли обеспокоенные сын с невесткой. Аленку не стали ругать за то, что убежала. Другое дело, что в их семье после этой ночи что-то переменялось. В эту ночь каждому из них приснился один и тот же сон. Словно они в отпуске где-то в Крыму там же где когда-то и познакомились, но при этом с ними была их Аленка. Папа перестал пить и даже нашел, наконец, хорошую работу, а мама стала чаще улыбаться, а ещё на следующее лето они всей семьей вместе с бабушкой Тоней поехали отдыхать на Байкал. И больше ни что не беспокоило их покой. Только котик с забавным окрасом часто лежал на потолке за шифоньером и с нежностью плел теплоту их снов...

Эпилог.

Только дети могут мечтать по-настоящему. И верить в свои мечты...
И делиться ими с близкими...

Берегущий сны

Пролог

Мир преобразился. Он стал иным и немного суетным. Но мне это не доставляло беспокойство, а даже наоборот вызывало любопытство. Смертные рождались, жили и при этом словно горели как яркое пламя. Кто-то ярче кто-то нет, но каждый по-своему был светом. Кто-то светил своим детям кто-то друзьям и родным, а кто-то даже просто кошке ждущей его с работы. Каждый смертный был светом для кого-то...

Отступление первое...

Теплые летние лучи отражались от речной глади Байкала. Маленькая и непогодам умная девочка с серьезным видом рассказывала своим новым друзьям историю про снежного пятнистого котика, рассказывающего по ночам сказки и показывающего добрые сны. Дети слушали эти истории с огромным интересом и моментами их глаза начинали буквально светиться от восхищения. Девочке мало кто верил, но её истории от этого не становились менее интересными. Взрослые лишь головой качали, поражаясь тому, как складно у неё получалось рассказывать про свои сны. Качали головами и ласково улыбались...

Только котик с причудливым окрасом и с немного грустной неуловимой улыбкой слушал эти истории, приглядывая за детьми из темноты...

Где-то на берегу Байкала...

Холодно. Как же холодно... И есть хочется. Может не нужно, было сбегать? А что уж теперь-то гадать. Уже сбежал да и оставаться в детдоме, тоже было уже не вмоготу. Старшаки совсем озверели. Как звери били малышню почти каждую ночь. И жаловаться было нельзя. Тогда старшие ребята из за одного наказали бы всех. Как же холодно...

Мальчика понемногу била дрожь. Вторые сутки на морозе тяжело дались ему. Но даже это было лучше, чем беспричинные и жестокие побои от старших воспитанников детдома. На рынке можно было выпросить пирожок, а погреться у сторожа в бытовке. Дождаться бы только его... Мальчик так промерз, скукожившись под безразмерной курткой (явно с чужого взрослого плеча), что не заметил, как начал засыпать. Почему-то вспомнился детский лагерь, куда они ходили летом. Вспомнилась озорная и немного смешная Аленка с её историями о «снежном» котике. Вот бы этот котик и в самом деле был. Возможно, тогда бы у мальчика бы сбылась его заветная мечта. Мечта иметь семью. Жить в тепле и уюте, обнимать маму и папу. Если бы только такой котик был...

Отступление второе...

Я с грустью смотрю на несчастное и замерзающее дитя у своих лап. Слезы сострадания катятся из моих глаз и невесомой дымкой распадаются на мелкие крупинки подхватываемые ветром... Я не знал, как помочь этой смертной и такой юной душе. Я всего лишь дух. И все что в моих силах это подарить забвение... Я невесомой дымкой завис над ним и ласково провел по его лицу лапой. Снежные крупинки, просыпавшись с лапы, тут же унесли бедное чадо в мир его грез. Грезы... Как же мало вам порою нужно. Не богатства или славы, а просто человеческого тепла.

Где-то на берегу Байкала...

Иван снова курил. Он с огромным трудом уложил свою жену спать. Тяжко. Утром пришли результаты обследования и вердикт был как приговор. Бесплодие. Маша не могла иметь детей. Сигарета обожгла пальцы, но Иван только молча, стряхнул пепел и снова затянулся. Маша проревела весь день и лишь к ночи смогла, наконец, уснуть. В голове каша и бардак.

Ни о каком разводе и речи быть не может. Хоть она и подняла этот вопрос на полном серьезе, не желая ломать ему жизнь своей неполноценностью но... Но ему было плевать на это. Он любил свою жену и пусть так но, даже зная, что у них не будет детей, он бы все равно её не бросил. Даже мысли такой не могло возникнуть в его голове... Сигарета снова обожгла его.

Маша забылась в тревожном сне. Чувство обиды и вины перед мужем преследовали её даже во сне. Ей грезилось, что она стоит перед своим отражением и слушает от этого отражения упреки. Слезы снова начали душить её... Ну почему так? Почему из за какой-то врачебной ошибки она должна расплачиваться всю свою жизнь?! За что! Маша с трудом подняла свой взор и с удивлением увидела перед собой огромного снежного барса. Красивый и статный зверь со светлой серебристой шерстью и крупными синеватыми пятнами царственно стоял перед ней в потоках метели. Маша даже не сразу сообразила, что она уже не в своей комнате, а где-то на улице в подворотне. Медленно оглядевшись, она с изумлением поняла, что узнает это место. Это переулочек сразу за соседским домом. Она снова посмотрела на барса и тот ласково, качнув головой, словно позвал её куда-то. Она не уверено сделала шаг за ним другой и ещё один. Она словно завороженная смотрела на удаляющегося зверя и лишь могла идти за ним по пятам. Только лишь минуту спустя она как-то промежду прочем заметила, что идет босиком по снегу, но холодно не было. Снежный барс подвел её к какому-то комку старых ношенных тряпок и словно призрак растаял на ветру.

Отступление третье...

Смертная плакала прямо во сне и именно этим привлекла мое внимание. Я с горечью оставил дитя не в силах сделать для него, что-либо ещё и словно облако невесомой снежной пыли переместился к смертной женщине. Легонько провел по её лицу лапой, растворяя кошмар и мимолетно, заглянул в её воспоминания. Врачебная ошибка. Пьяный врач назначил ей неправильное лечение и как следствие бесплодие. Да... Это страшно... Женщина любила детей и иметь ребенка было её самой заветной мечтой. Хм... А что если...

Я вторгся в её сон. Это было против правил, но я чувствовал, что поступаю правильно. Я предстал передней и что удивительно она увидела меня в моем истинном облике и при этом не испугалась. Удивление, любопытство и даже восхищение, но не страх. Смертная даже и не поняла по началу, что мир вокруг неё преобразился. Вместо черной комнаты с её отражение в зеркале кошмара я перенес её в ту подворотню, где замерзал ребенок. Женщина послушно проследовала за мной, а когда я исчез, озадачено за озиралась. И тут её внимание привлекла та самая куча старых тряпок наваленных как попало у стены. Она нагнулась и откинула край какой-то куртки в сторону. Её глазам открылся маленький мальчик, свернувшийся калачиком как котенок, в надежде хоть немного согреется... Она протянула руку и тут до неё, донесся тихий шепот:

– Мама...

Где-то на берегу Байкала...

– Мама...

Маша проснулась мгновенно. Она долгих несколько мгновений пыталась осознать то, как из переулочка она оказалось в своей кровати и не померещился ли ей тот детский шепот... А потом она закричала. Иван, выронив уже давно истлевшую сигарету, ворвался в комнату и с изумлением увидел быстро одевающуюся жену. Она не стала ему ничего объяснять, сказав лишь, что так надо и даже не застегнувшись, бросилась к входной двери. Иван так ничего и не поняв отправился следом.

Муж, с женой спешно подсвечивая себе дорогу, быстро добрались до той подворотни, что видела Маша в своем сне и какого же было её изумление, когда она увидела ту самую кучу небрежно наваленной старой одежды. Внутренне боясь увидеть самое худшее, она быстро подошла к куче и судорожно выдохнув, откинула край верхней тряпки. Мальчик был там

и уже никак не реагировал. Иван, увидев его, бросился помогать жене. Он аккуратно подхватил малыша на руки и под тревожным взглядом супруги опрометью бросился к себе домой в тепло. Уже в доме, когда Маша растирала худое тельце ребенка, а Иван набирал телефон скорой до них донесся шепот:

– Мама... Папа... вы пришли...

Супруги переглянулись и что-то дрогнуло в их душах.

Отступление четвертое...

Снежный барс никем не видимый лежал на потолке за шифоньером и наблюдал за действиями смертных. Он читал их души и был рад, что смог помочь ребенку. Но что его радовало не меньше так это то что своим поступком спас не только дитя но и судя по всему принес в жизнь этой пары ещё не осознанный ими смысл... Так это или нет, покажет жизнь ну, а пока у него есть куда более важная задача. Дух медленно подлетел к кровати и поднеся свою лапу к лицу мальчика легонько подул. Снежные крупинки, подхваченные его дыханием, тут же просыпались серебристым облачком на малыша. Спи малыш... Я дарю тебе мечту...

Где-то на берегу Байкала...

Мальчика увезли на скорой. Однако по заверениям врачей Маша и Иван подросли вовремя и самого страшного, можно было уже не опасаться. Артем (так звали мальчика) быстро шел на поправку и был в не себя от радости, когда к нему приходили его спасители. В детский дом был направлен инспектор и там были выявлены все те, кто издевался над малышами. Так же были наказаны и воспитатели за не вмешательство. Что до Артема то супруги подали прошение и спустя месяц, им было дано разрешение на усыновление. Артем был рад своим новым маме и папе, а те, чувствуя его искрению и по-детски открытую любовь отвечали тем же... Хранитель снов ещё не раз и не два приходил в их сны, сплетая в единое целое свет их душ, лежа на потолке за шифоньером...

Эпилог

Каждый смертный был светом для кого-то...

И самый яркий свет был у тех, кто светил друг другу...

Однажды я видел сон...

Сновидения осознаются только бодрствующим мозгом, но для спящего не существует пробуждения, нет настоящего реального мира, нет разума; есть лишь кричащий бедлам сна.

«Стивен Кинг»

Пустота.

Страх – самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх – страх неведомого. (Говард Филлипс Лавкрафт, Эссе «Сверхъестественный ужас в литературе», 1925—1927).

Вновь этот сон. Снова пустота... Брошенный людьми город. Серое небо и противно морозящий дождь. Нет никаких следов ни живых, ни мертвых. Вообще никого нет. Даже животных. Пустые здания с грязными от пыли, но на удивление целыми окнами, по пустынной улице ветер гоняет мусор или что-то подобное. Не знаю... даже нет желания присматриваться. Меня не пугает этот город. Почему-то я не испытываю страха, про который так много пишут в книгах. Только равнодушие к холодным, осиротевшим без людей зданиям, и немного апатии. Всё так, словно я здесь был уже много раз, что в итоге это место мне стало вроде как привычным и понятным.

Всматриваясь в эти дома, я с отчужденным любопытством, за исключением некоторых деталей я узнаю свой родной город. В окнах нигде нет привычного мне стеклопакета, только разошедшиеся рамы с облупившейся краской. Нет рекламных щитов и баннеров, словно город был брошен ещё при советском союзе или в начале лихих девяностых, когда вся эта мишура ещё только набирала обороты и не успела добраться до моего провинциального городка. Но больше всего меня удивляет наличие домов там, где их не было в реальности. Вот тут должен быть пустырь, но вместо него стоит двухэтажное здание сталинской постройки, а вот здесь должна быть налоговая инспекция, но вместо неё я вижу сильно заросший и неухоженный сквер...

Что здесь произошло – мне неизвестно. На пандемию не похоже, так как нет ни останков, ни просто предупреждающих знаков. Химическое оружие отпадает по тем же причинам. Радиация? Возможно, но мой счетчик Гейгера (а я почему-то точно знаю, что он у меня есть) лишь тихонько потрескивает, выдавая вполне стандартный фон для моего города. Рядом градообразующий завод по ремонту атомных подводных лодок. Так что тут всегда был фон чуть выше, чем по региону. В этот момент ловлю себя на мысли, что и сам я не особо-то похож на себя из реальной жизни. Какая-то нездоровая худоба и жилистость притом, что в реальности я тот ещё толстячек. Мое изможденное тело затянута в старенький пятнистый камуфляж, за спиной вещмешок, а на груди перед собой у меня подвешен потертый от частого использования АК-47. Надо же какой финт подсознания. Мне всегда был интересен более современный вариант знаменитого автомата, а именно – АБАКАН. А тут старый, но от этого и не менее надежный Калаш. Вот только я его в жизни в руках не держал, только на фотографиях в интернете видел, а тут вдруг поглаживаю цевье и затворную рамку и даже откуда-то знаю их назначение.

Вокруг по-прежнему никого нет, да никого и не должно быть. В этом я почему-то тоже уверен. В какой-то момент понимаю, что это даже и не моя уверенность а... как бы объяснить... другого меня. Другого меня, но не из моей реальности, а из этого сна. Все так, словно я просто смотрю на чужой для меня мир чужими глазами. Я вижу мелькающее отражение себя в редких лужах. Это действительно я. Только иной. Худой, уставший, коротко и неаккуратно

стриженный, с сединой на висках и с жидкой недельной щетиной. Сколько же мне здесь лет? Сорок? Полтинник? Мне становится немного неуютно от этой мысли. Сколько же здесь прошло лет с момента исчезновения людей? И почему я брожу по этому городу-призраку? Мародерствую? Несомненно, а иначе как тут ещё выжить! Но ведь не только это...

Чувствую жажду и уже мысленно тянусь к фляге с водой на поясе, но тут же одергиваю себя: воду нужно беречь. Сворачиваю от спального района в сторону частного сектора. Туда, где в реальности расположен мой дом. Пытаюсь срезать через «старый» рынок, но улица с домами почему-то продолжает простирается дальше. В реале здесь идут частные дома и коттеджи, но тут вместо сельской грунтовки – потрескавшийся с проросшими прямо через него деревьями и кустарниками асфальт. А по левую от него сторону – ещё несколько хрущевок. Только по правую стоят те же дома, что и в моей реальности. За исключением коттеджей. Вместо них – просто маленькие частные огородики, которые и в жизни были на их месте до постройки. Чувство двойственности. Словно я удивлен и не удивлен одновременно. Но характерно то, что ландшафт был тот же, и это только усиливало чувство растерянности.

Впереди полотно улицы заворачивает к трассе. За этим перекрестком и должен быть мой дом. Чуть ускоряюсь, спускаясь вниз по улице, но тут вижу дворик последней в ряду хрущевки. Моё внимание привлекает детская площадка. Песочница давно заросла бурьяном, качели проржавели и покосились, но не это вызывает интерес. Посреди детской площадки вкопана в землю деревянная скульптура. Такие часто ставили в детских садах и скверах. Вырезанные из дерева, словно индейские тотемные идолы, всевозможные Буратино, Крокодилы Гены и Зайцы из «Ну, погоди»... вот только тут был не Буратино. Вырезанная из цельного бревна статуя изображала двух похожих на колобков мужчин в строгих деловых костюмах и стоящих один у другого на плечах. Но самой, абсурдной деталью было то, что верхний «колобок» в строгом казенном пиджачке, чуть согнувшись, протирал тряпочкой лысину нижнему «колобку». Вся эта деревянная мизансцена от времени уже успела сильно потрескаться. Я явственно, в мельчайших подробностях видел каждую деталь этой скульптуры, каждый скол и трещину, и даже подгнившие от сырости места с облупившимся лаком. Такая детализация была неестественна для обычного сна, и это меня напугало. Я впервые почувствовал неясный иррациональный страх за весь период сна. Скульптура была чуждой в этом месте, в этом сне, вообще в этом непонятном и пустом мире. Она вызывала чувство острой тревоги. Я поспешил уйти от неё подальше, благо уже был виден мой дом.

Дом... Это и вправду было то место, где я вырос. Или вернее то, что им стало во сне. Вместо невысокого штакетника забора стоит ограждение три-четыре метра высотой, собранное из всевозможного хлама. Листы ржавого металла, какие-то бревна и не струганный, потемневший от времени брус. Самого дома нет. Только сгоревший остов возвышается над этой «крепостной стеной». На месте же большого сарая стоит нечто вроде двухэтажного форта с обзорной площадкой. Форт построен добротно, но, как и стена, из того, что под руку пришлось. Я со смешанными чувствами поднимаюсь по дороге к устрашающего вида воротам. В душе нарастает сосущее чувство осознания реальности происходящего. Слишком много деталей для обычного нечеткого сна. Слишком все настоящее: запах старой гари, грязь под ногами, влажный от мороси камуфляж. Чем ближе я подходил к воротине, тем больше нарастал страх того, что все это по-настоящему и что я каким-то образом провалился в иную реальность. Неужели это так и мне суждено навсегда остаться в этом мертвом мире? Стать очередным его призраком... Я из последних сил потянул за створки ворот и...

Я проснулся с чувством невероятного облегчения от осознания, что всё пережитое было лишь дурным сном. Вот только рука ещё помнила прикосновение холодного приклада старенького АК-47...

Полосатые неприятности!

Как все начиналось...

Часть 1

– Барсик! Ба-а-арсик! – Шушеля мать! Опять! Ну, сколько можно ему повторять, что не «Барсик» а Барсикен?! Что за нелепое существо этот мой подопечный? Эх, а утро так хорошо начиналось.

– Уже иду ваше высочество! – А куда бы я делся? Как ни как в услужении у наследного принца Светлого королевства. Тэк-с! Усы поправить, хвост распушить... Что значит какой хвост? А вам глаза на что? Я между прочим зверолод! А конкретнее тигриной расы. Моих сородичей все правящие дома в услужение нанимают. Мол, нас такую великосветскую элиту только тигры достойны охранять. Бред конечно, но платят хорошо. Моя семья уже пятое поколение служить Светлой династии.

Одно только портит настроение. Подопечный мне достался такой, что впору шушелю кланяться. И ведь сколько раз объяснял, что ну ни как мое имя не склоняется и не сокращается. А он все равно сволочь меня «Барси́ком» зовёт.

– Я здесь ваше высочество. Чего изволите?

– Барсик (закатываю очи)! Смотри, какой список невест мне отец с утра передал. – Тяжко вздохнув, смотрю на кхм... список. Пачка портретов с именами и титулами на обороте. Угу. Агнесса из Болотного королевства. Принцесса. Так, ага. Анна из Равнинного царства. Тоже принцесса. А вот эту особу, я и вовсе не удивлен тут увидеть. Жанна Великая. Вдовствующая царица. Четырежды вдовствующая. Старой кошелке уже за сто перевалило. А все туда же. Принца ей молоденького подавай. Дальше идет обычный перечень принцесс, царевен да королевен. Скукота.

– Ну и что ты думаешь?

– Что тут думать? Отправить на растопку, как вы всегда и делаете ваше высочество.

– Ску-у-ука! – Протянул принц. У меня дежавю или я это уже слышал?

– Барсик (скрип зубами)! А почему в числе прочих я ни разу не видел портрет королевны из Темного княжества? Говорят она красивая. – Мечтательно закатил к потолку глазки этот доморощенный сердцеед.

– А ещё про неё говорят, что она кровавые ванны принимает, да сердца невинных младенцев ест.

– Ты сам-то в это веришь?

– Нет. Но проверять не охота.– Пожал я плечами.

– Эх! А портрет-то её ты хоть достать можешь?

– А на какой шушель он вам сдался? Все равно же в камине спалите.

– Ну, Барсик! – Шушеля мать! Да сколько ж можно?

– Хорошо ваше высочество. Будет вам портрет.

Если бы я только знал, на что я подписываюсь...

Хм... портрет княжны из Темного королевства. Что может быть проще. Всего-то и делов, сходить до купеческой гильдии и сторговать его у старшего купца. Правда он почему-то на меня странно покосился, да и портретик достал не с полки, а из под прилавка. Аккуратно завернутый в холстину. Не почуяв вовремя подвоха, вернулся во дворец, и даже не удосужившись его предварительно посмотреть, вручил принцу. Тот заинтриговано развернул сверток и буквально

у меня на глазах выпал в осадок. Не понял! Это что сейчас было? Заглядываю ему через плечо. ... Теперь понятно, почему купец так странно на меня смотрел. И почему Светлый король ни разу не подал своему сыну и наследнику портрет этой клятой княжны. А ведь он уже год как пытается женить своего отпрыска. Ох, чую, плачет по мне плаха...

Судите сами. Кожаный лиф и такие же кожаные трусики. На талии кожаный пояс с приуроченным хлыстом. На плечах черная шелковая накидка, скрывающая самые откровенные детали. И ЭТО королева?! Да вы издеваетесь! Выхватываю этот портрет из рук принца и машу лапами у него перед носом. Мне хана. Меня скормят шушелю. Точно хана!

– Барсик!

– А?!

– У меня для тебя задание государственной важности. – Я в ужасе прижал уши. Боги ну за что? Я не хочу ехать в Темное княжество и сватать их королеву. Боги! Ну что может быть хуже?!

– Барсик! – проникновенно начал принц – Я хочу, чтобы ты стащил для меня её трусики! Ась?! Я, кажется, спрашивал, что может быть хуже?

Часть 2

Граница Светлого королевства.

В поистине зверином остервенении рублю указательный столб. «До Темного княжества 300 верст». Двое пограничных стражников в недоумении смотрят на меня, но вмешиваться справедливо опасаются. Я в гневе. Нет не так. Я В ГНЕВЕ И ЯРОСТИ! Как?! Как? КАК Я МОГ НА ТАКОЕ ПОДПИСАТЬСЯ?! Шушель с кражей! Но не мог этот балбес заказать перстенок, какой или хотя бы её батистовый платочек? Трусики ему подавай!!! Шушеля мать!!! Ещё и указатель этот ни шиша не рубится! Из дуба они их, что ли делают?

– Дык, истинно так господин Барсикен. Именно что из дуба значит. Из мореного.

– Ась?! – Я что говорил в слух? Уууууууу!

Бьюсь лбом об столб...

Сутки спустя я был уже в столице Темного княжества. Темнограде. Снял комнату в трактире и отправился бродить по городу. Мрачный, блеклый, на площади плаха, а рядом виселица. Да ещё и мелкий морозящий дождь. И без того мерзкое настроение стало ещё гаже. Посмотрел на княжеский замок. Мдя... Ворота кованые. Запертые. У маленькой калитки стоят несколько стражников. Не то полуорки не то полутролли. Стены высоченные и гладкие. Впрочем, с моими когтями это-то как раз и не проблема. Злорадно улыбаюсь.

Глухой без лунной ночью по западной стене неприступного замка... кхм... да скорее уж крепости быстро и бесшумно вскарабкалась невзрачная тень. Быстро перебежала мимо зазевавшихся стражников и нырнула в коридор. Найти покои королевы оказалось совсем не сложно. Почему-то её покои были единственными, которые не охраняли. Более того стража явно боялась соваться в длинный коридор ведущий к её дверям. Что ж мне же проще. Делаю шаг...

– СКРИИИИИП! – Взвыла половица. Шушеля мать! Так вот почему сюда ни кто не заходит! Соловьиные полы! Ну, ещё бы с такой-то сигнальной системой. Секунду, обождав, взрываю вверх под потолок. Здесь на высоте десяти саженей идет весьма удобный карниз. Чуть ли не прогулочным шагом быстро перемещаюсь по нему. Вот я уже над дверьми собираюсь аккуратно спрыгнуть и тихо проскользнуть внутрь опочивален. Приспускаю лапу, опускаю позади себя свой хвост и... раздаётся тихий клац.

–!!!!!!! – ЯАААААТЬ! Шушеля мать! КАКОЙ ДЕГЕНЕРАТ ДОДУМАЛСЯ РАСКЛАДЫВАТЬ МЫШЕЛОВКИ НА КАРНИЗЕ ПОД САМЫМ ПОТОЛКОМ?!

В бессильной злобе смотрю на мышеловку, повисшую на моем многострадальном хвосте. Ласково обхватываю её лапой и с садисткой улыбкой сжимаю. На карниз сыпется мелкая труха и скомканный кусок пружины. Вернусь домой, убью подопечного. Нет. Сначала одену ему на его пустую голову эти проклятые трусики, а потом убью!

На конец, совладав с собой, спускаюсь в низ и, прислушавшись к звукам по ту сторону и проскальзываю внутрь. Ого! А королева оказывается та ещё штучка. Прямо над горящим камином висит целая коллекция хлыстов и плеток. Сама же обладательница столь «чудной» коллекции изволила спать в теплой постельке. Взглянул на неё. Ну что тут сказать. По человеческим меркам она, наверное, и вправду красива. Черные как смоль волосы с явно крашеной алой прядью. Чуть заостренные ушки могли ей достаться как от папочки некроманта, так и от матушки темной эльфийки. Что, в общем-то, дает один и тот же результат. По детски невинное личико. Так-с, хватит прохлаждаться. Где там у нас её гардероб? Ага, в углу. Ну что тут у нас? Кхм... Десяток накидок, несколько ремешков с креплением для плети и несколько дюжин всевозможных лифвов и труселей. С интересом вытянул на лапах нереально яркую розовую комбинацию. И она такое носит?! И тут внезапно загорается свет.

– Шушеля мать! А как хорошо все начиналось... – С тоской пробурчал я себе под нос.

Часть 3

– Шушеля мать! А как хорошо все начиналось... – С тоской пробурчал я себе под нос.

В свете резко вспыхнувших факелов я увидел королеву. Она стояла на кровати полностью обнаженной. Даже не пыталась прикрыться. Мдя... Девочка явно без комплексов.

– Ну и кто это тут у меня в моем белье шариться? – Ласково сжимая в руках плеть, пропело это «чудное» создание голубых кровей. – Вор или просто извращенец?

Я потупил взор и, прикинувшись тумбочкой, попытался хвостом замести её розовые трусики под комод. Побурев от такой наглости, королева вдруг совершенно не по-королевски рывкнула:

– МУРКА!

Где-то под потолочными балками внезапно что-то загудело. Подымаю свои глаза наверх и вижу формирующийся портал. Мгновение спустя из него буквально вываливается некая особа. Пролетев несколько сажений, она ловко приземлилась на все четыре конечности и, выпрямившись в полный рост, взглянула на нас. Ого? А что у местного князя денег не хватило на чистокровную тигрицу? На меня вперила недобрый взгляд полукровка. Вполне себе человеческая фигурка, тигриные ушки, огненно рыжие волосы с симметрично расположенными черными прядями, на щеках такая же огненно рыжая шерстка с черными полосками ближе к носу рыжина уступала белой шерстке, позади её яростно хлестал по полу полосатый тигриный хвост. Минимум одежды только черные кожаные шорты со стальными накладками на бедрах и такого же типа кожаная безрукавка. Во рту перья (Она, что там голубей трескала?), а в изумрудных глазах ярость рассерженного зверя.

– Мурка! – резкий звук удара ладони по лбу (ну ну, не у тебя одной такой подопечный). – У меня в спальное в белье роется какое-то животное! (Это я что ли?!) Уничтожь его!

– Как прикажете королева! – тихо прорычала эта ненормальная и с низкого старта бросилась на меня.

Угу. Ну что я могу сказать. Девчонка хоть и полукровка, но двигается хорошо. Грамотно. Сразу видно, что её готовили, но я готовился еще лучше. Подцепив хвостом те самые розовые трусики, делаю ей самую скабрёзную улыбку, на какую способен и, активировав свиток телепортации у себя за спиной, ласточкой ныряю в него. Последнее что я услышал, это был яростный визг двух облапошенных девушек. Музыка для моих ушей. Встаю с пола. Так, где

это я? Ага трактир. Быстро прячу добычу в вещмешок и, проигнорировав двери, выпрыгиваю на улицу прямо через окно.

– Ого! Быстро они засуетились! – в замке началась какая-то не здоровая возня. Что ж пора и честь знать...

К рассвету я уже был на границе княжества...

Часть 4

Вы когданибудь пытались объяснить великовозрастному балбесу, что ты не осел? Нет? А вот мне пришлось...

Полдня потратил на то чтобы убедить принца в том, что те розовые трусики, которые я ему привез действительно с княжны, а не с какой бы то ни было продажной девки из ближайшего кабака!!! Боги! Сколько аргументов пришлось привести... Рассказать в лицах как я их добывал. И ведь врать ему я не могу! Присяга чтоб её! В общем, после нескольких часов позора я, наконец, всучил эти клятые трусики довольному аж до слюней принцу.

– Брррр. – помотал я мордой. Не знал что он такой извращенец. Надеюсь, за её лифчиком меня не отправит? Охохо. Не. Шушеля серого я ему еще на такое подпишусь! Придя к такому мудрому умозаключению, взбодрившись, отправился проведать своего старого друга Хряка. Что? Вы его не знаете? Ну Хряк эээ... Это Хряк. Во всех смыслах. Зверолоуд, но не как я тигр, а... Хряк. Свинья он короче. Но отличный друг. А еще у него свой кабак, в котором мне всегда рады!

Выйдя из дворца перешел площадь и свернув в незаметный переулок, спустился к старым улицам. Не трущобы, но и не сказать, что тут живет элита. О! А вот и знакомая вывеска. Вхожу внутрь. В зале довольно пусто, что меня ни капли не расстраивает. Хряк, сверкая пяточком, словно посеребрянной монеткой увидев меня, радостно замахал:

– О! Барсикен старина! Только попробуй сказать, что ты на минутку! Пока не выпьешь со мной, бочонок моего нового эля я тебя хе-хе не выпущу! – радостно заорал на весь кабак.

– Хряк! После всех моих злоклучений ты от меня одним бочонком не отделаешься! – растянул я свою пасть в радостном оскале.

– Злоклучений говоришь? Ну, ну. Щяс послушаем, что там за злоклучения у тебя такие. Опять, небось, твой «подопечный» чего учудил? – протерев последнюю кружку, Хряк водрузил свои окорокоподобные локти на стойку и выжидательно уставился на меня.

Я рассказал ему все. И про идиотский приказ принца, и про проникновение в крепость правителя Темного княжества, про «милую» коллекцию молодой княжны не забыв и её саму, про то, как шустро мне пришлось от туда сваливать. Под конец рассказа Хряк уже не в силах стоять на ногах валялся где-то за стойкой и от переизбытка чувств похрюкивал в приступах гомерического хохота. Почему-то мышеловка, оказавшаяся в самом не предсказуемом, месте его рассмешила больше всего:

– Бугагагага! Хрю ой! Прости! Хрю ох! Хахахахаха! Хрю! «Розовая комбинация»... Ой не могу! Хрю хихихи! – радостно продолжал он ржать.

– Э! Хряк! Смотри не расплескай на радостях эль. А лучше отдай кружку своему лучшему другу! – улыбался я в ответ. Вот что значит друг. Выговорился и сразу легче стало.

Так вот и прошел вечер. После полуночи Хряк выпроводил последних посетителей, и мы остались глушить эль с ним вдвоем. А ни чего! Хороший эль у него получается. Забористый! Надо будет с собой один бочонок прихватить.

Под утро я уже совершенно не вязал лыка. Хммм. А как это вязать лыко? И что такое вообще это ваше «лыко»? Мммм. Все... сплю... меня не будить, а то убью...

Рано утром.

– Шушеля мать!!! Где я?! – заорал я, едва только продрав глаза.

Вокруг была бескрайняя вода...

Часть 5

Рано утром.

– Шушеля мать!!! Где я?! – заорал я, едва только продрал глаза.

Вокруг была бескрайняя вода. Впрочем, нет. На полверсты, что в одну сторону, что в другую просматривался сквозь утренний туман берег. Я же посередине на шатком плоту. Угу. На реке значит, а раз так то...

– Ня! Не ори над ухом. Спать мешаешь... – Кто-то внезапно прокомментировал утреннюю тишину.

Не понял?! Ме-е-едлено опускаю свои глаза и вижу настолько нереальную картину, что первое желание было себя ущипнуть. У меня прямо под боком блаженно спит некто иная как та самая «Мурка» из Темного княжества.

– КАКОГО ШУШЕЛЯ?! Ты еще, откуда взялась?! – А что? Я ее, что? Розами встречать должен?

– Ой, ну какой ты шумный. Ну, подумаешь, утопить тебя хотела. Ну не получилось. А теперь не мешай. Тут такой сон...

ЧЕГО?! Похоже, я с похмелья начинаю сильно тупить. Все! С Хряком больше не пью. Ни-ни. А то в следующий раз вправду утопят. Или еще чего покруче учудят. А сейчас... Резкий толчок рукой в сторону и практически тут же раздается всплеск:

– ПЛЮХ! Бульк... Ах ты... плюх плюх... Скотина... Бульк... Сволочь! – Орало это чудо, барахтаясь в прохладной воде. Мммм. Бальзам для моих ушей.

– Сво... сволочь! Гад! С... скотина! – начала она взберется на плот. Зубы у неё так и лязгали от холода.

– Ты повторяешься. – С садисткой улыбкой прокомментировал я её ругань.

– А не пойти ли тебе к хмырю в задницу?! – «Радостно» прояснила она мне мой дальнейший путь.

– Так! Пошутковали и хватит! Кто ты и какого шушеля тут происходит? Не ответишь, опять сброшу за борт.

– Прислужница я. У королевы из Темного княжества. – И тишина. «Рассказала» называется.

– Это я и так знаю. ЗДЕСЬ ТЫ, КАКОГО ШУШЕЛЯ ДЕЛАЕШЬ?! Тут как бы Светлое королевство!

– Ну, это... – Стушевалась она. – Ты когда мою хозяйку обнес, она в таком бешенстве была, что на уши все княжество поставила. Посулила тысячу золотых за твою шкуру (о как?). А потом, подумав, меня за тобой отправила. С приказом замочить. Вот я и мочила.

– В смысле?! – Нет. Я что-то и вправду туплю с утра.

– Ну как бы я тебя довольно быстро нашла. Тебя до самой границы отследить смогли. А там уже немного «поспрашивав» не трудно было догадаться (пограничники чтоб их). Ну а тут и давно проблем с поиском не было. Кто ж тут не знает «славного» господина Барсикена? – Ернически окончила она последнее предложение.

– С этим разобрались. А КАК Я ПОСРЕДИ РЕКИ ОКАЗАЛСЯ?! – Начал я вновь заводиться.

– Ну-у-у. Ты когда в кабаке наакался на ногах вообще не стоял. Я тебя просто подкараулила на выходе и отбуксировала к реке. Там я забросила тебя на первое попавшееся плавсредство и отчалила. Ну а потом поняла, что отчалить то я отчалила, а весла-то я не взяла. Нас вынесло на середину реки. Вода холодная ветер ещё холоднее. В общем, я передумала тебя мочить (вот уж спасибо) и просто использовала вместо грелки (вместо чего она меня использо-

вала?). Ну а дальше вот. Река плот купание в холодной воде. – Все-таки добавила слезу в голос. Нет ну какого а? Пыталась меня утопить и в итоге мне же ещё и плачется?! Шушеля на вас всех нет. Ох я тебя...

– Плюх! Бултых! – С радостной улыбкой отправил эту ненормальную, снова охладится.

Само собой в ответ на такую водную процедуру на меня полился ушат брани, но относясь к этому как к экзотическому виду комплимента начал отламывать доску от плота. Отломал, после чего без суеты и спешки спокойно начал грести к берегу. За спиной услышал как «Мурка» снова вскарабкалась на плот. Интересно. Кинется или нет? Если кинется, то я её снова поплавать отправлю. Кхм... А она умная. Поняла, чем может её выходка ей обойтись. Сидит сушиться. Пытается прямо на себе одежду отжать.

Через одну «стражу» мы уже были у пристани. Подойдя к берегу, я с самой невинной улыбкой с силой оттолкнул плот назад в реку. Полукровка явно не ожидала от меня такой подлости. В итоге пока она стояла и хлопала на меня глазами, её плот вновь отнесло от берега. А вода-то холодная! Ласково улыбаясь весенней улыбкой мясника, помахал ей вслед. Жаль, платочка нет.

Иду по рыбацкому району. Поутру довольно прохладно, да и ночевка на плоту посреди реки тепла и настроения не добавляет. О! Дом моего брата! Вот к нему-то я и заскочу.

– Бари! Бари ты дома? Это Барсикен! Если что я вхожу! – возвестил я дом моего брата.

Странно. Дверь открыта, а ни кого не видно. Медленно вошел в дом.

– По дяде Барсикену прямой наводкой! ОГОНЬ! – Внезапно раздался звонкий голосок.

Сказка о Звере...

Давно это было. Так давно что память человеческая про то уже и не помнит.

Когда наш Мир бы молод в суровых северных землях стоял Великий лес.

И была в том Великом лесу Тёмная Чаща. И была она невиданных размеров. Даже птица не могла пересечь её не то, что за один перелет. Но и даже за столько перелетов, сколько пальцев на обоих, твоих руках.

И в самом сердце этой Тёмной Чащи в самом тёмном и дремучем буреломе жил Зверь. Не было более жестокого и опасного обитателя не то что в Чаще, но и во всем Великом лесу. Он не был ни подлым, ни алчным. Просто жизнь во тьме приучает сторониться всех и каждого. Ведь только так можно сберечь свою шкуру, если та дорога. Он не знал жалости к тем, кто пытался его съесть. Как и не знал, что значит пощадить. Ведь что есть пощада, если не глупость?

Вот ты отпустил его, а он нет бы, уйти, аль сбежать куда подальше. В спину проскользнуть пытается. Клыки вонзить. Так что блажь эта ваша жалость. Глупость и блажь.

Зверя боялись все. Но, несмотря на страх многие пытались отведать его крови.

Глупые.

Думали если испить крови Зверя, сами станут такими же сильными и непобедимыми. Много их было. И самоуверенные одиночки. И осторожные своры и стаи. Всех пришлось порвать Зверю. Ни один не ушел. Долго так было или нет, про то не ведаю. Да только даже самая несокрушимая скала может дать трещину...

Вот так и вышло, что напала на Зверя свора. Да не простая. А с умным да подлым вожаком. И пока бился Зверь грудь в грудь со сворой тот и подлез к нему сзади, да и подсек клыками лапы. Многих одолел тогда Зверь. Да только те, кто уцелел, безнаказанно лакали кровь, что сочилась из его ран. И не достать. И не ухватить. И не уйти. Долго глумилась свора. Много вылакали его крови. Обессилил Зверь. Впал в беспамятство...

И вдруг почудилось ему, что его ласкает кто-то. Нежно так. Мягким как лепесток язычком.

«Что за чудо?» – Подумал Зверь. «Никак Волчица Смерть меня в чертоги свои обмывает? Кровью запачкать боится?»

Каких трудов стоило открыть не послушные от боли глаза про то только Великому лесу ведомо. Но каково же было удивление Зверя когда он увидел того кто столь ласково умывал его окровавленную морду. Более невозможного и невероятного для Тёмной Чащи существования и измыслить трудно. Шутка ли. Маленькое, как и сравнить не с чем. Белоснежное. И это в Тёмной Чаще-то?! Оно ведь даже и спрятаться не сможет, случись беда. Одно слово – Диво не виданное. И не боится. А ну как укусить решу? Да там и кусать не чего. Создание дивное все в пасти и уместится. И как только тут вообще очутилось? Или то Дух лесной насмехается?

Да нет же. Вон под бок улеглось. И звук, какой странный издаёт.

– Муррррр, муррррр, муррррр...

И стало горько от этого в глотке. Словно горечи съев. И пошевелится страшно. Ну как убежит. А странное создание все знай себе, выводит свои странные рулады...

Прошло несколько смен дня и ночи.

Зверь креп и набирал силу. А странное создание так и не ушло. Играло с его хвостом. По ночам пыталось его греть. Делилось с ним своей добычей. Хоть и были это цветные мотыльки да как не взять? Ведь столько гордости в глазах этого непонятого существа:

«Смотри! Я тоже охотник! Смотри, какой я добытчик!»

И ломило сердце у Зверя.

«Ну как кто съесть это чудо измыслит?»

«Что если не смогу защитить?»

«Что если не уберегу?»

И пугался Зверь таких мыслей. Никогда он так ни о ком не думал. И понял он, что нет белее ему места в Тёмной Чаще. Но куда идти. Ведь и ни чего другого кроме Чаши он не знал. И вот когда раны на горле зажили, и Зверь смог вновь изрекать свои мысли стал он спрашивать странное существо. Кто он и откуда?

«Я то? Я Котенок!»

«Котенок?» – Удивился Зверь – «Никогда про таких как ты, не слышал. Откуда ты Котенок?»

«Я с Солнечных равнин!» – Ответило непоседливое создание.

Ещё больше удивился Зверь. Никогда ему не доводилось слышать про что-либо подобное. Что такое равнина? А что такое солнце? Откуда знать об этом тому, кто всю жизнь провел во тьме Чащи?

Зверь попросил рассказать ему об этих «Солнечных равнинах».

И Котёнок рассказал.

И про бескрайние цветочные поля. И про сладость полевой росы. И про добрую ласку Солнца.

«Добро? Что такое это добро?» – Внезапно оборвал рассказ Зверь.

«Свет.» – Просто ответил Котёнок – «Добро это Свет!»

Добавило это маленькое чудо. И улыбнулось.

И словно светлее от этой улыбки стало на их тёмной и маленькой полянке.

– Решено. Мы идем к Светлым равнинам. – Сказал Зверь.

И такой решимости была полна его душа, что ни кто и не что не смог бы заставить его отступить.

Так начался их долгий путь.

Долго ли много ли они прошли, но вот и Чаща стала отступать. Никогда не видел Зверь таких чудес.

Светлая и мягкая листва на деревьях. Робкие лучики света в их кронах. Дразнящий шелест. Сладкие лесные травы и ягоды. И столь же не обычные лесные обитатели.

Никто не пытался на него напасть.

Никто не пытался его съесть.

Никто не боялся.

«Неуже ли это и есть твои Солнечные равнины?!» – В восторге спросил у Котенка Зверь.

«Нет.» – Ответил Котёнок – «Но ты не волнуйся. Ты обязательно их увидишь!»

С каждым пройденным дневным переходом лес редел.

Зверь в смячении не находил себе места. Свободных просторов становилось все больше. Это и пугало и завораживало.

И вот наконец, перед рассветом они подошли к самому краю Великого леса. Но так как солнце ещё не взошло, а луна уже ушла на покой Зверь не смог ни чего увидеть. Только Тьма. И едва ощутимая, но от этого ещё более пугающая пустота.

«Вот мы и пришли.» – Сказал Котёнок.

«Пришли? Неужели эта тёмная пустота и есть те самые Солнечные равнины? Где же Солнце? Где травы? Где ВСЁ?!» – В отчаяние воскликнул Зверь.

Но Котёнок только улыбнулся и молвил.

«Смотри. Вдыхай. Слушай...»

Зверь прислушался. И тут он услышал.

*Стрекот цикад.
Шелест трав.
Трель проснувшегося Соловья.*

И тут он почувствовал.

*Пьянящий запах полевых цветов.
Ласковый и свежий ветер.
Запах пшеницы.
Запах маленькой и любопытной мышки.*

И тут...
Наступил рассвет...
И он увидел...

*Невероятной красоты зарю. Невероятной красоты цветы.
Он ощутил всю силу ласку и непостижимую доброту Солнца.
Больше не было Тьмы.
Был только СВЕТ!*

Зверь оглядел себя и не узнал. Шерсть, казавшаяся раньше грязно-мышинного цвета словно светилось в лучах Солнца золотистым мёдом. Из глаз пропало алое пламя подобное болотным огням. Они стали карими, как кора молодого дуба.

Он встал на тропу, ведущую в поле, а Котёнок весело смеясь и забавно топорща хвостик, бежал рядом...

«Как светло!» – Восторженно воскликнул Зверь.

«Как... светло...» – Тихо раздалось во тьме.

Зверь так и остался в том овраге в глухой Тёмной Чаше. Обессиленный и обескровленный.

Его невидящий взор уходил в неведомые для обитателей Чаши дали.

Только чуть грустная улыбка озаряла его лик.

А рядом из-под опавших листьев пробивался маленький полевой цветок, озаряемый неведомо как пробившимся, в это царство Тьмы лучиком Света...

03.03.2015г.

Свидание с Музой

*«Музами пренебрегает лишь тот, кем пренебрегли сами музы.»
Латинское изречение*

Однажды люди, читая мои тексты, спросили меня. Как выглядит моя Муза и что за анти-депрессант она курит? На что я обычно загадочно улыбаюсь и в тоже время нервно поглядываю краем глаза себе за плечо. Моя муза-а-а... девушка, несомненно, выдающихся качеств. Ленивая, упрямая, своенравная, сумасшедшая и напрочь отбит...

АЙ! ВОУ! Был не прав! Во всех отношениях прекрасная, умная, прилежно вдохновляющая и если честно и без шуток... хорошо меня понимающая и за это я порою готов закрыть глаза даже на самые невообразимые её выходки.

Что значит, какие ещё выходки? А кто надоумил меня вылить флакон шампуня в городской фонтан?! А ну да согласен было красиво. Море пены и воздушных пузырей... ВОТ ТОЛЬКО ПОТОМ МЕНЯ КЛЯЛА ВСЯ БРИГАДА СЛЕСАРЕЙ И УБОРЩИЦ, КОТОРЫМ ПРИШЛОСЬ ПРОЧИЩАТЬ СИСТЕМУ ЦИРКУЛЯЦИИ ВОДЫ В ФОНТАНЕ! Месяц икал после этого... И не смотри на меня так! Вот не надо! Так не честно. Ну, хорош реветь... Ох...

И вот так я живу. Толи схожу с ума от скуки толи у меня просто такая безобидная (ну почти) шизофрен... АЙ! Да сколько же можно?! Ну, хорошо-хорошо пусть будет Муза. Так лучше? Довольна? Вот ведь... Добилась своего...

На что похожа моя Муза? Как выглядит и как зовут? Имя не скажу. Иначе точно сочтете меня психом. Но вот внешний ви-и-ид... Представьте себе чуть смуглую девушку с пирсингом, розовыми коротко стриженными волосами и парой длинных сиреневых прядей на пол лица. Эдакий подросток бунтарь с едва различимыми греческими чертами. Вот только мне уже давно за тридцать и сколько я её помню, она всегда была подростком. Когда-то она на фоне моего детского возраста казалось мне, чуть ли не старух... ЯЙ! Да чтоб тебя на хрена ты мне через плечо в монитор тычешь? У нас есть деньги на новый? Ах, нету ну так и тыкать нефиг! Изыди глюк моего большого воображения! О. Опять, что ли обиделась? Ага. Включила музыку в МР3 плеере и теперь потрошит мой планшет. Ну, хоть пять минут покоя... И так на че... ДА ТВОЮ ЖЕ ГРЕЧЕСКУЮ МАТЬ! Какого черта мне в затылок прилетел тапок? Ах, тебе скучно?! Мне что тут тебе сплясать стриптиз забавы ради? Эмм... Ты же пошутила да? Ла-а-а-адно... я подумаю над твоим предложением.

Обложился подушками, от этой несносной и честно говоря, даже опасной непоседы.

Слышу хруст уничтожаемого пакета с печенками. МОЕГО пакета с печенками! Интересно, а это нормально, что моя шизофрения жрет мучное и не толстеет? Мне в затылок прилетел второй тапок... И вот как работать? Слышь малахольная?! У меня тут между прочим уже завал заданий, а в них ещё конь не валялся. Что значит загоны и изваляй? Кого загнать? КОНЯ? Какого нафиг коня? Ты издеваешься?! А ну кончай уничтожать мои стратегические запасы и быстро на свое рабочее место. Будем работать вот от сюда и до завтрашнего обеда. Нам ещё к «Полосатым неприятностям» нужно главу родить. Не понял? Это что за бунт на корабле? СХРЕНАЛИ ЭТО Я САМ СПРАВЛЮСЬ? А ТЫ МНЕ ТОГДА НА ЧТО? О-О-О! Это аргумент. Для красоты и эстетики. Ну-ну. Сама-то хоть в это веришь, чудо ты смугло-розовое и недомелированное. Тьфу ты блин. Ну почему у людей музы как музы. Люди стихи пишут поэмы всякие. А у меня, что не текст так там или реально полная безнадега жизнь тлен, и мы все умрем или идет откровенно нереальный словоблудный бред на грани пошлого и наркоманского. Хм... А ведь и вправду что ты куришь?

Сижу, пишу, а это чудо видимо решило впасть в спячку. Господи КАК такое с виду хрупкое создание может создавать столько шума даже во сне? Встречался когда-то с девушкой,

которая как-то раз перебрала с подружками винца и тоже, потом почти сутки сотрясала квартиру своим могучим храпом. Правда та была реальной, в то время как эта вроде как плод моего воображения. Это что за мутанты водятся у меня в башке, если даже такое безобидное существо как Муза вышло у меня косячное?! За спиной внезапно стало тихо. Блин аж мороз по коже от этого пробежал. Нервно оглянулся и не удержался от легкой улыбки. Мой монстрик сполз с дивана на пол вниз башкой и теперь тихонько, радостно пускает слюни во сне. Тяжело вздохнув, встал со стула и аккуратно переложил её на кровать. Страхнул со смуглых щечек крошки. Что ж... спи чудо. Может ты и сумасшедшая. Но ведь ты плод моего воображения, а значит я безумец вне меньшей степени. Шут с тобой. Считай, что у тебя сегодня выходной, а я пока пойду. У меня ещё много работы.

Ромашки на Льду

Людмила Ромашкина

Отдам дракона в хорошие руки

«Отдам дракона в хорошие руки!» – вещала надпись тридцать шестым кеглем красного цвета.

– Очень смешно, – фыркнула я и оторвала объявление от подъездной двери. На два дня ее одну оставить нельзя, ужас какой!

Я не против драконов, пусть бы висело, но объявление было исполнено в лучших информационных традициях, порезанное снизу на полосочки и на каждой значился номер телефона Али. А вот это уже безобразие! Шутники, блин. Не хочу, чтобы мою сестренку донимали дурацкими телефонными звонками. К тому же одна полосочка с номером уже оторвана. Хотя, шутка вполне в Алькином вкусе, сама заморочит, кого хочешь. Я аккуратно сложила лист и сунула в карман куртки как вещдок, только и того, что в стерильный пакетик положить не удалось. Открыла магнитным ключом дверь и приличной трусцой забежала на третий этаж.

– Кто-то решил над тобой пошутить, – вместо приветствия сказала я, заходя в квартиру. Сняла куртку и развернула объявление. – Кому это ты кошечку не долечила? Хотя, что я говорю?

А говорю я на самом деле полную ерунду. Не бывает такого, чтобы Аля не вылечила очередную зверушку. Она как Айболит, только еще лучше, потому, что не только ветврач с золотыми руками, а еще и очень милый и добрый человек. К тому же, моя младшая сестра! А это ко многому обязывает. Вполне нормально, что к ней тянут со всего города собачек, кошечек, попугайчиков, хомячков, сурков, хамелеонов, крокодилов, всевозможных ящериц, телят, поросят и коз. В общем, всякую живность, крупную и мелкую, кусачую и пушистую, необходимую в природе и абсолютно бесполезную в хозяйстве.

Аля забрала у меня бумажку, мельком глянула:

– Да не, все нормально, это я повесила, – смущенно улыбнулась она.

Вот как? Даже не знаю, стоит удивляться или нет. Алька понимает животных с полуслова, то есть с полурыка, с полухрипа, с полувдоха... а вот людей не понимает вообще. Просто не хочет понимать, я так думаю. Ей уже семью пора заводить, а не очередного болезного питомца! Пока я размышляла с «полу» чего она понимает своих пациентов, Аля, совершенно растерянно произнесла, распахнув свои удивительно добрые глаза:

– Ты представляешь, я совершенно случайно сварила дракона. Вернее, маленького такого дракончика.

– Зачем ты его сварила? – потрясенно спросила я, удивляясь не то нелепости такого обстоятельства, не то новым кулинарным пристрастиям сестры. Так как отварной дракон, это не только выходящий за рамки возможного деликатес, но еще и мясо, что совсем недавно бегало, дышало и... жило, в общем.

Алька не является адептом братства капустного листка, но мясо не ест из чувства эмпатии к зверушкам. Она бы даже сосискам сопереживала, если бы не была точно уверена, что ни одно живое существо при их изготовлении не пострадало.

– Не «зачем», а «как», – тем временем поправила она меня, забрала из рук куртку и пошла в комнату. А я поплелась следом, на ходу натягивая гостевые тапочки.

– Я хотела сварить кашу из тыквы, – равнодушно пожалала она плечами, мол, подумаешь, со всяким может случиться. – А почему-то получился дракончик. Рыженький. Как тыква.

Алевтина села с ногами в старое, еще родительское, кресло, поставив на колени ноутбук, заклацала по клавиатуре.

– Я порезала тыкву, сложила в кастрюлю, все сделала, как ты меня учила. – На этих словах она оторвала взгляд от ноутбука и перевела на меня. – Все добавила, и крупу, и яблоки, и корицу с изюмом. Поставила в духовку. А когда открыла, то вместо каши в кастрюле сидел дракончик.

Я улыбнулась и покачала головой. Ко всем своим достоинствам... или все же недостаткам?

– Ай, не важно! – Алевтина большая выдумщица и фантазерка. С ней с самого детства случались такие вещи, хоть сказки слагай. Притянет какое-нибудь затрапезное перо с мусорки и всем рассказывает, что это феникс обронил, когда она ему крыло лечила. Полгода назад вообще на неделю пропала, мы с ног сбились, весь город на уши поставили. А она, как ни в чем небывало заявляет, что ее забрал пегас и куда-то там унес. Когда она нашлась, я так обрадовалась, что даже не стала ругаться. А глядя в ее счастливые глаза только порадовалась. Надеюсь, что у этого «пегаса» вполне человеческое мужское имя, и они неплохо провели время. А из этой сказочно-кулинарной фантазии я уяснила только то, что она осталась голодной. Бытовая мирская жизнь, это совершенно не ее конек. Альке бы на единороге по радуге скакать, а не каши варить. Каждому свое, как говорится! Я пошла на кухню, что бы приготовить что-нибудь более съедобное, чем дракон.

– У тебя еще тыква осталась? Или ее всю дракон умял? – спросила я, гадая на самом деле, была ли вообще тыква, которая благополучно сгорела и отправилась в мусоропровод? Или ее даже забыли купить и придумали на скорую руку? Вопрос, конечно, интересный, но в равной степени бесполезный.

– Да, половинка еще осталась в холодильнике.

Да, половинка все-таки нашлась на стеклянной полке холодильника, как и очистки от второй половинки в мусорном ведре. Значит, все-таки сгорела, решила я и закрыла для себя эту тему.

– Все. Разместила еще объявление в интернете, может кто-нибудь заберет. – Аля задумчиво помолчала, прикидывая, наверное, возможности такого исхода. – Я бы, вообще, его себе оставила, но он будет скучать, меня же практически дома не бывает. А еще в командировку на следующей неделе ехать. А дракончик совсем еще маленький, ему специальный уход нужен, забота и внимание.

– Боюсь, могут возникнуть проблемы с поисками желающего приобрести дракона, – абсолютно серьезно заметила я, принимаясь за готовку. – Кому в современном мире могут понадобиться драконы? Даже прирученные и одомашненные?

– На самом деле это вопрос личных предпочтений, материальной возможности содержать домашних питомцев и моды, конечно. Возникла же мода держать домашних кроликов и поросят, так чем драконы хуже? А мне, кстати, уже звонила девочка. Сказала, у мамы спросит, если разрешит, то заберёт.

В ответ на ее слова цветастая штора на окне затрепетала, а по тыльной стороне, цепляясь коготками за ткань, поднималось какое-то существо, похожее на котенка.

– Ты кога завела?

– Да нет же! – Сестренка поднялась с кресла, оставив ноут на диван, потрянула край шторы. Существо не удержалось и шлепнулось на пол. – Ах, ты, засранец! Смотри, какие ты затяжки вытянул.

Никто не устыдился содеянному, как ожидала Аля, а со скрежетом умчался в другую комнату, не явив свою тушку на мой скептический осмотр.

– Я же говорю тебе, дракончик. Сама не пойму, как так получилось. Я только подумала, что если из тыквы получилось вполне себе приличное транспортное средство для Золушки, то почему бы не получить какому-нибудь летательному аппарату для меня? Но я не имела в виду дракона! – по-настоящему оправдывалась новоявленная фея.

Все эти в высшей степени странные разговоры, кто бы услышал, подумал, что мы обе сошли с ума, были неотъемлемой частью нашей жизни. Конечно, я ни на секунду не поверила в наличие мифической рептилии в однокомнатной квартире сестры. Мой скептический ум всегда ищет логическое объяснение даже самым невероятным вещам, которые случаются с Алькой. И находит же! Но эта, ни к чему не обязывающая болтовня позволяет отвлечься от насущной однообразной реальности, в которой нет места чудесам. А того, кто преподаёт физику в университете трудно заставить поверить в сказку. Даже немного обидно, если честно.

Я зажгла огонь на двух конфорках, на одну поставила кастрюльку, а на другую чайник, и только сейчас заметила в углу маленькое блюдо с молоком. Ага, дракончика она завела, как же!

– Слушай, а твой дракончик, случайно, не заколдованный принц? Может он обернется очаровательным рыжим мужчиной, и вы заживете долго и счастливо, в лучших традициях народных сказок, а?

Как не даю себе зарок не лезть в личную жизнь сестры, но забываю об этом, как только вижу ее одинокую хрупкую фигурку в компании домашних животных. Хоть по губам себя бей, честное слово.

– Это было бы кстати, – загадочно улыбнулась она, доставая кружки из буфета. – Взять домой заколдованного принца нашлось бы куда больше желающих, чем обычного дракончика.

Эх, а я уже успела обрадоваться, что не все потеряно.

В дверь робко позвонили, так неуверенно, что я не сразу поняла, был ли вообще звонок. А потом постучали, тоже не смело и тихонько.

– Кто-то стучит? – прислушалась хозяйка квартиры и вышла проверить, откуда шум.

Над моей головой, со шкафа на антресоль промелькнуло нечто, громко хлопая крыльями, обдавая ветром и, почему-то, ароматом корицы.

Через пару минут Аля влетела в кухню как ураган, с коробкой из-под обуви в руках и полотенцем на плече.

– Не видела где он? – Не дождавшись ответа от меня, закрыла дверь в кухню и стала медленно осматривать все укромные уголки. – Всё-таки нашлась будущая хозяйка для дракончика.

Сестренка весело посмотрела на меня, говоря: «А ты не верила!» Я подняла палец вверх, указывая на антресоль, где все ещё сидела птица.

Аля подставила табурет, в надежде достать забившегося в угол беглеца.

– Иди сюда, мой хороший, – ворковала она, выманивая его изюмом, остатки которого я намеревалась добавить в кашу. – Не бойся! Я же тебя не обижу, ты знаешь.

Вода в чайнике успела закипеть прежде, чем девушка оставила попытки выманить питомца.

– Бойтся. Залезь, посмотри. Он такой трогательный!

– Верю на слово! – не воспользовалась предложением я, а вместо этого залила чайную заварку кипятком. – Вылезет, тогда и посмотрю.

– Ладно, там, в холодильнике колбаса лежит, бери.

Я достала не початую палку и с сарказмом предложила:

– Аль, давай я тебе муляж подарю, а? Ты же все равно ее не ешь, но всегда покупаешь.

Пусть бы себе бутафория и лежала. И деньги целы и холодильник вроде как не пустой.

Я отрезала пару кусочков. Один отправила в рот.

– Для гостей, – опустила глаза сестренка.

– Для каких гостей? Да у тебя гостей кроме меня не бывает!

– Значит, для тебя.

– Я, если что, могу и со своей приходить.

Не успела я отвернуться, как что-то длиннохвостое, маленькое и рыженькое цапнуло отрезанный кусочек колбасы, и было таково, прошмыгнув в щель между мойкой и столом.

– О! – вскочила обрадованная Алька, – так вот, чем тебя кормить!

«Надо же, – подумала я, – не знала бы свою сестру, а может, именно потому, что знаю ее, подумала бы, что и правда дракончик завелся». Котенок, попугай, и ящерица вполне могут сойти за одного полноценного представителя мифического ореола. Алька даже мебель в квартире менять не стала, чтобы ни жалко было, если коты подерут. Как от бабушки досталась, так и живет. Раньше в ее квартире был филиал зоомагазина. Всех обиженных и обездоленных она несла домой, выхаживала, привывкала к ним, а они к ней, так и оставаясь жить под одной крышей к взаимному удовольствию. Только недавно решила перенести всех своих обитателей в ветклинику, где проводила больше времени, чем дома.

Алевтина схватила полотенце, опустилась на колени и полезла доставать зверька уже из-под мойки. Оттуда доносились непонятные звуки, похожие на то, как будто курица разучилась кудахтать, просто забыла, как это делается и пробует по-разному, пытаясь вспомнить.

– Ну, вот ты и попался! – торжествующе заявила Алька, крепко удерживая в руках трепещущий махровый сверток. – Смотри скорее, пока не удрал снова.

Алевтина осторожно опустила свёрток в коробку, неплотно прикрыла крышкой.

– Ну, что, я отдаю питомца будущей хозяйке. Так и не взглянешь? Разве тебе не интересно?

Я замешкалась, нарочито медленно размешивая сахар в чашке. А что, если это правда, дракон?

Стоп! К такой правде я не была готова. От такой правды невозможно отмахнуться и спрятаться за уютными и понятными законами физики.

– Посмотрю. Потом. В следующий раз, обещаю! – не поворачиваясь, сказала я.

Иначе, как потом жить?

Имя ей Любовь

Тихий монотонный писк раздавался в ушах через равные короткие промежутки времени. Это аппарат жизнеобеспечения фиксирует показатели моего физического состояния. Я в больнице. Об этом свидетельствуют трубки, прикрепленные к телу, кафельные панели, накрахмаленное постельное белье и запах лекарств. Дышать тяжело. Никого не видеть, не слышать не хочется. Говорить – тем более! Поэтому, делаю вид, что еще не пришла в себя. В палате находится еще два человека, обе женщины, наверное, медсестры. Они тихо переговариваются:

– Тяжёлая?

– Уже нет! Состояние стабильное.

– Это ей печень пересадили?

– Да.

– А что случилось?

– Автомобильная авария. Сильно пострадала, еле откачали. Хотя, если бы не донор, то не спасли бы.

– Повезло девчонке, что так быстро нашелся человек, готовый отдать часть своей печени. Не каждый на это пойдет!

От этих слов мое тело содрогнулась, и с губ слетел невнятный хрип.

– Она в себя приходит! Зови доктора!

В голове возникла неуместная мысль: «Все-таки агапе существует!»

Мы с Арсением ужинали в vip-зале дорогого ресторана. Все кругом сверкало позолотой и хрусталем, как в покоях царицы. До сих пор не могу привыкнуть к роскоши. Я же не родилась богатой, а стала, причем, всего лишь год назад, когда решила жить с этим человеком.

Арсений Витальевич Вайзенбург – преуспевающий бизнесмен, владелец сети крупных магазинов электроники. Мужчина среднего возраста, среднего роста и средней комплекции. Глядя на него, можно сказать, что он образец усредненности. Носит дорогие костюмы, узкие стильные очки и модную стрижку. Он богатый, надежный, рядом с ним я чувствую себя маленькой и хрупкой. У нас не так много общих интересов, чтобы быть счастливыми, но личные выгоды удерживают нас вместе, не смотря на разницу в возрасте, почти вдвое.

– Нам сегодня на парах рассказывали о любви! – Есть мне не хотелось, перекусила в университетском кафе, и что бы заполнить неловкую паузу, стала нести всякую ерунду. – Предлагаешь, в древнеиндийском языке существует девяносто шесть слов, которые мы бы перевели, как «любовь». А в древнеперсидском – восемьдесят! А в русском только одно! Как мы только понимаем друг друга, правда? В греческом – семь, и каждое слово обозначает определенный вид любви.

Арсений положил приборы на край тарелки, промокнул губы салфеткой и с бокалом вина откинулся на спинку стула.

– Да? И какие же это?

– Эрос, филое, сторге, прага, людус, мания и наивысшая, жертвенная и всепрощающая, безусловная любовь – агапе! В библии сказано: «Бог есть любовь!», так вот в оригинале звучит, как: «Бог есть агапе!» Её ещё называют «Божественной любовью». Как ты считаешь, есть такая любовь?

– Ну, если слово есть, то, наверное, и любовь такая существует.

Ну да, существует, в книгах и фильмах, но, навряд ли в жизни. Я выразила свое сомнение на лекции, а преподаватель сказал, что меня нужно было назвать не Любовью, а Прагмой, мол, это слово подходит мне больше, вызвав смех у всей аудитории. Он когда-то видел, как за мной приезжал Арсений и теперь, имея малейший повод, высказывает свое неодобрение. Я возмутилась и спросила, почему он думает, что я не могу любить другой любовью? А он

смерил меня насмешливым взглядом и дал задание на следующую пару, выяснить: кого и как люблю я, и кто любит меня.

– Как ты меня любишь? – заискивающе посмотрела на Арсения.

– Это же ты Любовь, тебе должно быть виднее! Я не компетентен в этом вопросе.

Он отсалютовал мне бокалом и сделал глоток.

– А как ты меня любишь? – вроде бы с иронией спросил он, но пристальный взгляд карих глаз требовал обдуманного ответа.

– Филео! – уверенно заявила я. – Или сторге! Любовь основная на доверии, интересах и родственных связях.

Вайзенбург довольно хмыкнул и подозвал официанта.

Конечно же, не какая не филео и не сторге, а чистая прагма! Прагматичная, расчетливая, преследующая свои определенные цели. Да, я не верю в любовь – агапе, поэтому банально извлекаю выгоду из, воспетого поэтами, чувства. Арсению тоже выгодно и лестно, когда рядом с ним молодая и красивая девушка. Только странно, что он не просит сопровождать его на публичных мероприятиях. В ресторанах мы обычно в уединенных vip-залах. А вот от того, что бы встречать меня из университета, с трудом отговорила, не желая огласки своей личной жизни среди студентов.

Я закрыла глаза и запрокинула голову, представляя, что рядом со мной сейчас не Арсений Вайзенбург, а Андрей Орлов, старшекурсник моего университета. Нестерпимо захотелось его увидеть, прикоснуться, почувствовать его горячее дыхание и погрузиться в ту пучину наслаждения, от которой становится жарко лишь при одной мысли. В голове стали всплывать бестыдные картинки-воспоминания проведенного, наедине с ним, времени. Не описать словами то, что дает эрос, затягивая в водоворот безрассудства и прямой зависимости, от объекта этой страстной любви.

– Извини, я на минутку! – и вышла из-за стола больше не в силах противостоять желаниям.

«Хотя бы просто услышать его голос» – мысленно говорила я себе, слушая нескончаемые гудки в телефонной трубке, закрывшись в кабинке туалета.

– Боже, да сколько можно? – Андрей раздраженно швырнул вибрирующий мобильник на стол. – Что ей нужно от меня?

– Возьми трубку и спроси!

Никита положил перед собой чужой телефон, где на экране светилась фривольная картинка и имя абонента – Любаша. Девушка, действительно была настойчивой и телефон, замолкая, начинал играть снова и снова.

– Ответь!

Андрей нервно прохаживался, взад-вперед измеряя пространство комнаты широкими шагами.

– Не хочу! Не сегодня!

Никита скривился, давая понять о своем мнении к подобным отговоркам.

– Утром позвоню!

– Зачем ты мучаешь девушку?

– Я мучаю? – удивился парень. – Это она мне проходу не дает! Я, между прочим, ничего ей не обещал! Все было по взаимному согласию. Нам было хорошо вместе, а теперь, детка, наши дорожки разбежались! Что здесь непонятного?

– Вы же вместе, всего лишь месяц!

– Не «всего лишь», а целый месяц!

– Имей смелость сказать ей об этом!

Никита сидел на стуле, скрестив руки на груди. Андрей нависал над ним гранитной скалой, опираясь на стол.

– Может быть, ты ей скажешь об этом? И утетишь сразу, а? Не плохая девчонка! Правда с третьих рук, но она того стоит.

Молодой человек раздраженно вскочил, с грохотом опрокинул стул и вышел. Телефон, наконец, перестал играть и на экране появилось сообщение о семи пропущенных звонках.

– Наконец-то!

Орлов схватил телефон и тоже покинул квартиру, которую они снимали на двоих с другом Никитой.

Я лежала в ванной. Хлопья пены лениво сползали по рукам, в которых держала телефон, ожидая появления друга он-лайн.

«Привет! Что не спишь?» – пришло сообщение от Саши.

«Привет! Тебя жду!» – искренне обрадовалась я.

«Что-то случилось?» – прозорливо догадался парень.

«Нет, все в порядке! Соскучилась просто!»

Вода уже остыла, но выходить не хотелось. Выпустив часть воды, снова включила кран с горячей, согнув ноги в коленях, что бы не обжечься.

С Сашей я познакомилась случайно в интернет сообществе, в котором развернулись жаркие дебаты среди подписчиков. Найдя точки соприкосновения, продолжили общение в личных сообщениях, скоро выяснив, что очень похожи мировоззрениями и имеем множество общих интересов. Общаться с Сашей всегда легко и приятно. Он умный и веселый, чувствует мое настроение и понимает меня лучше, чем я сама. Мы общаемся почти два года, но так до сих пор ни разу не виделись, став друг для друга очень родными и близкими, не смотря на то, что нас разделяют тысячи километров и семь часовых поясов. У него жена и двое детей, и я ни в коем случае не желаю, что бы из-за меня у них возникли ссоры. Поэтому стараюсь писать, когда он на ночном дежурстве, либо выходной днем среди недели. Я выучила его график работы лучше своего расписания занятий, потому, что пару пропустить, не так страшно, как не поболтать с Сашкой!

«Я, конечно, рад, но что-то мне подсказывает, что ты сейчас нервно ерзаешь на стуле перед монитором, либо косишься на телефон, ожидая звонка»

«Нет! Я сейчас в ванной»

«Надеюсь, что не с лезвием?!»

«Дурак!»

«Уже радостнее! Так, что случилось?»

«Он не берет трубку! Вчера на звонок ответил его друг, сказал, что он занят. На сообщения не отвечает и так, и не перезвонил»

«Вот, что я тебе скажу, подруга! Перестань ему звонить! Все! Забудь! Выброси из головы, из телефона и друзей в соцсетях! Имей гордость, в конце концов! Он поигрался тобой и бросил, как надоевшую игрушку! Извини, конечно, что я так грубо, но кто, кроме меня тебе раскроет глаза? Я знаю таких людей, и ничего хорошего тебя с ним не ждет, даже, если вы снова помиритесь»

Я читала сообщение и понимала справедливость каждого написанного слова. Все верно, мной наигрались и задвинули в дальний ящик, как прочитанную и не слишком интересную, книгу. Людус! Любовь – игра! В которой один использует другого в качестве игрушки, преследуя исключительно собственные цели.

«Ты снова прав! Как всегда, впрочем!»

«Обещай, что не будешь больше ему звонить?!»

«Обещаю!»

Я уже столько раз обещала сама себе, что не буду искать с ним встречи, но ноги сами несут меня к кафедре, на которой он учится. Одного взгляда на его атлетически сложенное

тело хватает, чтобы позабыть все обещания и позволить иррациональной страсти поглотить меня с головой.

«Вот и умница! Просто я волнуюсь за тебя, и не хочу, чтобы ты страдала! Был бы рядом, еще и подзатыльников надавал, чтобы дурь с головы быстрее вышла. Ты для меня стала как сестра, которую хочется то пожалеть, то придушить! Но даже, со всеми твоими приколами, ты для меня как домашний очаг, у которого хочется погреться! И да, кстати, ты выбираешь себе не тех мужчин!»

«Я знаю...»

«Как там твой „Отелло“ поживает?»

«Да что ему делается? Долго думала, наверное, буду уходить от него. Выгода выгодой, но семью на таких отношениях не построишь!»

«Это верно! В золотой клетке счастья не сыщешь!»

«Спасибо тебе!» – искренне ответила я.

«За что?»

«За сторге!»

Мои отношения с Сашей, это не просто времяпрепровождения – это целая жизнь, яркая, наполненная смыслом. Привязанность, дружба, взращённая на доверии и симпатиях. Это нежность и забота! Я бы уже давно влюбилась в него, если бы не знала, что такого друга найти гораздо сложнее, чем любовника. «Братская любовь» филое вознаграждает за преданность отсутствием одиночества, знанием, что ты не один в этом мире! И это чувство перетягивает чашу весов, на которой стоят: страсть, выгода и эгоцентризм.

Арсений Вайзенбург смотрел на суетливых прохожих, на, застрявшие в пробке, автомобили, на неторопливых и наглых голубей из окна своего офиса, раздвинув руками длинные ленты жалюзи. Он смотрел на многообразие жизни и красок, царящих вокруг, невидящим взором. Его не волновали предстоящие переговоры с поставщиками, задержка оплаты счетов по прошлому заказу и поцарапанная краска на его дорогом автомобиле. Его сейчас заботили совершенно другие мысли и образы, не связанные с бизнесом и деньгами. Дипломатичного и сдержанного мужчину трясло от ожидания встречи с частным детективом, который должен был явиться с минуты на минуту. Неделю назад Вайзенбург нанял его для слежки за Любой, девушкой, которая будила в нем самые темные и потаенные желания. Разжигала страхи, превращала в первобытного человека с единственной целью – обладать ею! Которая затмила своим появлением весь мир, сузив пространство мышления до величины одной мысли: «Ты моя!» Симпатия к очаровательной молодой студентке в рекордные сроки трансформировалась в навязчивую идею. Наваждение туманило разум, запуская длинные щупальца параноидальной ревности, что обвивали горло, преграждая доступ кислороду. Он боролся с этим чувством как мог, но, что-то неуловимо изменилось в поведении заветной девушки. Она стала чужая! В том смысле, в котором, ею обладал другой. Нет, от нее не пахло мужским одеколоном, ее никто не подвозил домой, и она не уходила на мнимые «девичники». Что-то изменилось в ее взгляде, глядящем сквозь...

– Арсений Витальевич, к вам посетитель! – прозвучал мелодичный голос секретаря из селектора.

– Пусть заходит! – чересчур поспешно прозвучали слова, выдавая в нем нетерпение.

В кабинет вошел парень, самой обычной наружности: короткая стрижка, джинсы и рубашка синего цвета, темные очки, сдвинуты на лоб.

– Ну, что? – вместо приветствия спросил Арсений.

– Вот! – Парень грустно улыбнулся и выложил на стол конверт с фотографиями. Вайзенбург нетерпеливо вытряхнул на глянцевую столешницу факты, которые будучи еще догадками, не давали покоя и лишали сна. Арсений смотрел на цветные картинки, чувствуя, как закипает

кровь. Как она раскаленной лавой течет по венам прямо к мозгу, что бы там взорваться водородной бомбой.

– Пошел вон! – еле слышно проговорил обманутый мужчина, нечеловеческими усилиями сдерживая гнев.

– А гонорар?

Заказчик вынул из ящика стола пухлый конверт и швырнул парню.

Секретарь проводила гостя долгим любопытным взглядом, пытаясь понять, кто же он такой. Из кабинета директора раздался грохот и звон осыпающегося стекла. Перепуганная Аллочка вскочила со своего кресла и подошла к двери, размышляя, зайти или нет. Любопытство и беспокойство боролись в ней со страхом подвернуться под горячую руку директора. Пока она размышляла, дверь распахнулась сама и оттуда, словно смерч, вылетел Арсений Вайзенбург, едва не сбив женщину с ног.

Пары уже закончились, но домой идти не хотелось. Косые взгляды Арсения, его компрометирующие вопросы, на которые, прежде, чем ответить, нужно подумать, изрядно раздражали. Мы не расписаны и по-сути, нас ничего не связывает. Но так повелось, что я все время находилась в зависимом от него, положении, чувствуя супружескую ответственность. Это сильно угнетало, и я твердо решила, что сегодня же разорву отношения с Арсением, и передо жить к подруге, она не против. Андрей так и не перезвонил, а его друг как-то невнятно пытался меня утешить. Зачем?

Вайзенбург позвонил, и тоном, не терпящим возражений, сказал ждать его в университете, он за мной заедет. В моем личном пространстве запахло грозой. Непонятная тревога поселилась где-то под ребрами, посеяв сомнения и нерешительность. Я нервно прохаживалась взад-вперед по университетскому парку, вглядываясь в, проезжающие мимо, автомобили. Иномарка Арсения стремительно подъехала и остановилась в неподобающем месте. Стекло с пассажирской стороны плавно опустилось, из салона повеяло табачным дымом. Он никогда ранее не курил в машине и это был тревожный признак. Мужчина нетерпеливо махнул рукой, приглашая сесть. Я послушно села и пристегнула ремни безопасности. Сначала мы ехали молча. Я мысленно прокручивала слова, моделируя диалог, стараясь предугадать реакцию и предотвратить вероятные последствия. Мимо, размытыми пятнами, пролетали, обгоняемые нами автомобили. Мотор грозно рычал, водитель с силой сжимал руль. От этого пальцы на руках побелели, а глаза сосредоточено смотрели вдаль. Как я не старалась предугадать и смягчить предстоящий разговор, но все вышло не так.

– Говоришь, что любишь меня родственной любовью? – нарушил молчание Арсений. Голос, какой-то надтреснутый и хрипловатый, как будто сорванный. Но в то же время в нем звенела сталь, острая и опасная, как бритва. Я поежилась, а он продолжил: – Как отца, да? Или как брата? Что же ты молчишь, а, Любовь? Расскажи мне, какой любовью ты любишь того... – Ругательство потонуло в визге тормозов и звуке клаксона другого автомобиля, в который мы чуть не врезались на огромной скорости.

– Что ты делаешь? – испугалась я, глядя на стрелку спидометра, постепенно клонящуюся в сторону максимальной отметки.

– Ты – моя! Поняла! – угрожающе прорычал мужчина. Я не узнавала его, такого сдержанного ранее и такого одержимого сейчас. – И никакой сопляк больше не посягнет на тебя!

– Хорошо! Только сбавь скорость, прошу! – взмолилась я, закрыв глаза от страха.

– Сбавить? Нет, милая, не сбавлю! Мы будем жить долго и счастливо, пока смерть не разлучит нас!

Мы съехали с дороги и продолжили путь по грунтовке, оставляя после себя клубы пыли. Глаза Арсения светились маниакальным блеском. Мания! Вот какой любовью любит меня Арсений. Подавляющей, собственнической и неподвластной логике любовью. Теперь мне стало понятно, почему он меня ни куда не брал. Он просто не хотел ни с кем делиться своей

собственностью. Какая же я дура! Как же я ошибалась, считая, что ему просто выгодно быть со мной! Я плакала и упрашивала сбавить скорость, но мужчина не слышал моей мольбы, оставаясь во власти своих демонов. Я призывала его к разуму и клялась в вечной любви, пока впереди ни показалась блестящая гладь озера, к которому мы решительно приближались. Преуспевающий бизнесмен, как всегда, следовал своим намеченным целям, сильнее вдавливая в пол педаль газа. Мешкать больше нельзя. Я отстегнула ремни безопасности и распахнула дверь, выпрыгивая на грязно желтый песок заброшенного пляжа...

Телефон снова разрывался от звонков. Андрей скрипел зубами и сжимал кулаки, борясь с желанием разбить аппарат об стену. Но дороговизна телефона и близость ректората не располагал к подобным действиям.

– Снова Люба? – спросил подошедший Никита.

– Какой ты догадливый! – раздраженно бросил он.

Андрей уже увлекся новой девушкой, и Люба больше не интересовала парня. Он перевернул для себя эту страницу жизни, забрал последнюю фигуру с шахматной доски и стал расставлять новую партию, только уже с другим игроком. Орлов проводил взглядом короткую юбку, чем заслужил яростный взгляд друга.

– Так и будешь бегать от нее? Может, и университет сменишь, раз боишься поговорить с девушкой? – издевательски поинтересовался Никита. – Поступок истинного джентльмена! – похлопал он по плечу друга.

Андрею и самому надоели эти звонки, и он нажал кнопку приема.

– Алло! Да, знаю. А что случилось? – лицо Андрея посерьезнело и он отошел в сторону, что бы не мешали голоса проходящих студентов. – Нет. К сожалению, ничем не могу помочь!

Никита переминался с ноги на ногу, прислушиваясь к разговору. Самые страшные предположения всплывали перед глазами взволнованного парня.

– Что случилось? – еле дождался он окончания разговора.

– Ну, вот, судьба решила все сама, – неуверенно грустно произнес Андрей. – Звонили с больницы. Любаша разбилась на машине вместе со своим «папиком».

– Что? – не поверил в сказанное, Никита. Он вспомнил, как видел сегодня девушку в университетской парке, грустную, с поджатыми бледными губами, напряженно глядящую на дорогу. – Она жива?

– Пока, да, – равнодушно пожал плечами бывший парень Любы. – В реанимации. Сильно повредила печень. Нужна пересадка части органа от донора.

Прогремел звонок, возвещающий студентов об окончании перемены. Андрей поправил прическу перед зеркалом и направился в сторону аудитории. Никита стоял неподвижно с бледным лицом и судорожно сжимал ремень сумки.

– Ты идешь? – обернулся парень. – На лекцию опоздаешь!

Никита медленно поднял голову и в упор посмотрел на человека, которого знал с детства. Они были «не разлей вода» с младших классов, но только сейчас он понял, что не знаком с этим человеком.

– Ты не поедешь в больницу? – пугаясь собственного предположения, произнес Никита.

– Нет. Что я могу для нее сделать? Отдать свою почку? Или что там ей нужно?

– Печень, – машинально поправил парень.

– Ну да, печень. Так, а я тоже жить хочу!

– Ах, ты ж, сволочь! – закричал Никита, с яростью впечатывая кулак в скулу бывшего друга. – Лучше бы ты разбился, чем она!

Андрей, не ожидая удара, упал на паркетный пол, выронив телефон и сумку. Кожа на щеке треснула, и красная струйка сбежала под воротник белой тенниски.

Молодой человек, смахнул кровь с кулака, поднял телефон и, отыскивая в журнале звонков последний принятый вызов, быстро спускался по лестнице, направляясь к выходу из корпуса.

Никита лежал на операционном столе, вдыхая пары анестезиологических газов. Перед тем, как погрузиться в наркозный сон, он вспоминал длинные и прямые волосы Любы, цветом схожие с вороновым крылом. Узкое лицо и выразительные глаза под красиво изломанной линией бровей. Он не чувствовал к ней физического влечения, подобно Андрею. Для него, Люба была симпатичной, не более. Не был ей ни другом, ни братом. Никита был не прочь войти в круг близких ей людей, но видел, что она любит Андрея и не хотел мешать. Он не прельщался меркантильными выгодами и не осуждал, зная о ее двойной личной жизни. И уж, тем более не стремился к обладанию и подавлению, не способный, в принципе, к подобным чувствам. Он просто хотел, что бы Любовь жила, во всех пониманиях этого многогранного слова...

Кто я?

Театр опустел. Зрители разошлись по домам, оставив после себя звенящую пустоту, удушливый запах парфюма и лепестки цветов, которые в экстатическом восторге бросали на сцену к ногам актеров. Шелковая падуга трепетала под натиском сквозняка, напористо терзавшего ее нежное полотно. Фигуру стоящего на сцене мужчины освещал одинокий софит, отбрасывая на паркет тень испанского правителя.

– Ты не ушла, – тихо произнес он, глядя себе под ноги. – Все ушли, а ты осталась! Извечная свидетельница моего позора и триумфа, моих страданий и любовных переживаний. Ты следишь за мной с детства, ходишь по пятам, подслушиваешь.

По мере произношения голос актера становился отрывистее и злее, привычно наполняя собой маленький зал. Одежда и грим оставались те же, что и во время спектакля, но эмоции совершенно не отображали сценический образ оконченной пьесы.

– Кто я? – Руки взлетели в театральном жесте, а затем безжизненно упали вниз как занавес Кабуки. – Что ты жмешься к моим ногам? Ответь! Кто я? Гамлет? Виконт де Вальмон? Тартюф? Или Сирано де Бержерак, воистину страдающий из-за своего уродливого носа? Неужели Я – это десятки людей, проживающих мою жизнь, так как им хочется! Где Я? И есть ли вообще Я? Может быть настоящий Я – это всего лишь маска, образ, талантливо отыгранный вне сцены? Сосуд, который вмещает в себя суррогат личности? Что ты молчишь?

Хорошо поставленный баритон оскорбляли ноты гнева и отчаяния, вырывающиеся из самой души. А может не души, а эскиза, на котором зиждуются чужие образы?

Актер тяжело осел на пол. В ушах зашумели восторженные крики «Браво!» и гром аплодисментов, откидывая его в прошлые жизни, которые проживали его герои, гости его жизни. Или узурпаторы? Он со злостью ударил кулаком об пол, тень на паркете вторила этим движениям. Мужчина потянулся за цветком, одиноким и забытым, безжизненно повисшим на рампе. Вдохнул увядающий аромат.

– Могу ли я любить? Любить до безумия? Или вместо меня любит Ромео? Могу ли я ненавидеть? Ненавидеть неистово, всепоглощающе? Или это тоже удел героев, а не бледной тени актера? Я прожил сотню чужих жизней, но прожил ли я свою? Может быть ты – это и есть мой истинный облик, плоский эфемерный рисунок на асфальте?

Театральный король закрыл лицо руками, размазывая грим по щекам.

– Я устал! – хрипло молвил он глядя на свою тень. – Я хочу освободиться, увидеть себя настоящего! Каков я без грима, без этой пафосной одежды. Хоть раз сделай доброе дело, и покажи мне, какой я есть на самом деле!

Служитель Мельпомены сорвал с головы корону, прижимавшую белокурый парик, и зашвырнул в зрительный зал. Медный ободок ударился о ножку кресла и со звоном закружился на месте. Следом полетел парик, круглый медальон на толстой цепи, короткий плащ с меховой оторочкой, парчовый вамс и нелепые штаны, подбитые ватой. Бывший король с остервенением срывал с себя одежду, как будто она жгла ему кожу. Тень тот час же повторяла все движения своего хозяина, пока на паркете не оказался весь костюм.

Сквозняк все так же раскачивал атласные падуги, одинокий софит освещал сцену, на которой стоял растерянный мужчина. Он смотрел себе под ноги, туда, где раньше была его тень. Сейчас же, темное бесформенное пятно отбрасывала лишь горка вещей, брезгливо отброшенная в сторону, а не сам человек.

Поговорим?

Зачем ты молчишь?

Нет, я правильно выразилась! «Почему» говорит о мотивах, а «зачем» – о целях твоего молчания. Вот я и хочу узнать, чего ты хочешь? Если того, что бы я на тебя обиделась и оставила в покое, то у тебя ничего не вышло, придумай что-нибудь другое.

Ты пойми, все, что происходило днем вокруг нас, не важно!

Важно то, что кто-то умный придумал вот такой вот телефон, на одном конце которого висишь ты, а на другом вся вселенная в моем лице. Я уже вижу голубой шар планеты с высоты космического астероида, из которого поднимается скрученный телефонный провод с красной трубкой, за которую держусь я. И отсюда кажется, что я держу за ниточку привязанный к ней воздушный шарик, а не целую планету. Красивый такой шарик, хочу сказать! И мы парим в невесомости: я, телефонная трубка, космическая пыль и твое молчание. Оно так гармонично вливается в тишину вакуума, как скрипка в симфонию Моцарта. Слушай, а давай сходим на концерт? Ну, или хотя бы представим, что пойдём? Допустим, мне достались халявные билеты на какого-нибудь супер современного музыканта-авангардиста! Сойдет? Предположим, что мы ничегошеньки не поймём. Я так точно! Я вообще в музыке не очень разбираюсь. Ты тоже, правда? То, что не понравится концерт – это не важно! Зато как здорово будет гулять под дождем! Он обязательно будет идти, ты не против? И ничего, что промокнем виртуозно, пока будем ловить капли ртом, представляя, что это бренди. Ты, кстати, бренди любишь?

Хорошо, я тоже! Ох и пьяные мы будем! Я, если честно, уже немножко пьяная, то ли от будущего дождя, то ли от твоего молчания.

С концертом только беда. Но это тоже фигня! А знаешь, что не фигня? То, что та тетка с рынка, у которой я купила сапоги, не соврала, представляешь! Вот это поистине уникальное явление в природе, такого больше не увидишь! А если бы она меня обманула и я купила другие сапоги и промочила сегодня ноги в этой мерзопакостной слякотной жиже, то сейчас сидела бы в кресле, укутавшись в десять одеял, измарав стопку носовых платков, а уж никак не болтала бы с тобой по телефону! Потому как вылезть из одеялового кокона свыше моих сил, а телефон, как ты знаешь в коридоре и до него никак не добраться, не совершив самоубийства раскукливания.

Кто это у тебя там бормочет? Телевизор? Ты лучше выключай его перед сном, хорошо? Я тебе сама сейчас рассказываю о самых важных в мире вещах. Да, с одной стороны наводнение в Париже это плохо, а с другой – хорошо! Ну, в смысле не то, что бы совсем хорошо, но хорошо, что там, а не здесь. А еще хорошо, что мы тут, а не там! А-то как бы мы встречались, если я плавать не умею?

Глупости! Не может там быть таких же людей, как мы, не смей! Не может и все! Это абсолютно невозможное явление! Это как представить, что мы пингвины, и ты говоришь, что в Париже могут жить такие же пингвины, как мы. Пингвины живут в Антарктике, это все знают, и больше нигде не живут!

Нет, зоопарки не считаются! Зоопарки – это не по-настоящему, это как в кино, понимаешь? А мы с тобой настоящие! Можно сказать образец «настоящности»! И нам когда-нибудь поставят памятник. Нет, не посмертный. Ну, такой тоже поставят, а еще другой, не такой, как этот. Или этот как тот? Бр! Я уже сама запуталась, какой тот, а какой этот!

Слышишь?! Связь сейчас прервется. Я тебе завтра еще позвоню, ты не возражаешь?

Договорились! Только ты ложись пораньше и засыпай крепче, а то я не смогу к тебе дозвониться.

Настоящий поэт

Знаешь, для него целого мира было мало! Как будто под одной оболочкой уживались тысячи людей. Сотни тысяч разных, не похожих друг на друга, людей! Столько горя, счастья, страха и любви я не встречала ни в одном другом человеке, хотя я повидала их очень много, ты знаешь. Он особенный! Таких как он, вообще не бывает. Просто не может быть по всем законам вселенной. Если он грустил, то небо хмурилось от его невеселых дум. Когда радовался, то незнакомые люди начинали друг другу улыбаться. А когда плакал – океаны становились еще солоней.

Нет, я не знаю, как его зовут. Может Будда к нам явился в облике человека, кто знает?! Я никогда с ним не разговаривала, просто читала то, что он писал. Так бывает. Иногда стихи говорят об авторе гораздо больше, чем он сам о себе знает, и поэт познает себе в рифмах, вписывает свою жизнь между строк и уходит в бесконечность по троеточию, поставленному в конце. Как у настоящего человека искусства у него есть страсть. У него весь мир – страсть! Но среди множества страстей есть одна самая большая – это море! Он мог днями напролет сидеть на мокрых камнях и смотреть на то, как волны накатывают на берег. Они резвились у его ног как котята, то разбегаясь, то хватая за мокрые штанины, а он, опустив руку в пену трепал белую воздушную шерстку.

Ты знаешь, я тоже люблю смотреть на море, но он смотрит на него по-особенному! Там столько обожания и тоски, счастья, прощения, грусти, эйфории и зависти, что невозможно этот взгляд заковать в оковы слов. Конечно же, там я его и встретила. Он писал свои стихи на мокром песке у самой кромки воды. Существовало лишь мгновение для того, что бы их прочесть. Морская пена жадно слизывала строчку за строчкой, и тогда они сами становились пеной, растворялись в соленой лазури. Море любит его стихи! Оно его самый главный ценитель и критик.

Мне очень повезло! Я была на пляже, когда море спало, убаюканное его колыбельной. Я никогда не читала таких стихов, правда. Таких истинных, настоящих поэтов не печатают в книгах. Их не награждают премиями и не изучают в школах, их только можно нашептать ветру или записать морозом на стекле, понимаешь? Вижу, что не очень. Но я сержусь, правда, я и сама бы не поняла, если бы не увидела своими глазами. Он писал для моря! Но его стихи не растворялись в воде. Каждое слово оседало на дне жемчужиной и хранится теперь в темных глубинах как в библиотечных архивах. И выходит, что в ювелирных магазинах продаются не бусы из жемчуга, а стихи, представляешь? Я сперва хотела записать его стихи в блокнот, но это было бы нечестно, как будто я подслушала откровенный разговор. После той встречи я стала чаще бывать на море. Сбегала туда, как только появлялась свободная минутка, что бы увидеть на мокром песке хотя бы обрывки этих творений.

Последний раз поэта видели месяц назад. Местные говорили, что был шторм. Море бесновалось и кипело, а он все писал и писал... Ему кричали с берега, пытались увести от опасности, но он не слышал уговоров и оставался наедине со стихией. Парень не успевал дописывать даже строку. Свирепые волны обрушивались на него раз за разом и утягивали за собой в пучину. Все считают, что он, безумный, пытался своими стихами успокоить море. Но я-то знаю, что это не море бесновалось, а он! Его лёгкие, сердце, и мозг уже давным-давно пропитаны солью и йодом. Нет, он не утонул! Такое просто не могло произойти! Море его любит! Он просто растворился в нем, превратился в большую волну и отхлынул, оставив после себя размытые следы стихов, которые никогда не забудет море, камни и песок.

Love story

Он переехал сюда совсем недавно. Арендовал жилье, устроился на работу. Кем он работал, она не знала. Знала только, что домой возвращается в восемь. Знала его любимые маршруты и кафешки, сорт кофе, аромат которого доносился из открытого окна. Она научилась угадывать его настроение по клубам сигаретного дыма, и отличать Паганини от Анри, попеременно звучащие на пластинке.

Она любила его! Всегда провожала с работы до самого дома, сгущаясь сумерками за его спиной. А потом украдкой подглядывала в окно, любуясь его увлечённостью. А он никогда этого не замечал. Изредка выходил на крыльцо покурить и заходил обратно.

Ей было очень обидно, что она не красавица весна, дарящая людям долгожданное тепло и необъяснимое чувство влюблённости во весь мир. Была бы она весной, то цвела тогда лишь для него! Но она не была весной...

Еще она проклинала себя за то, что не осень. Золотая, багряная, драгоценная... Осень была бы ему к лицу. Она вполне могла стать украшением к его светлым волнистым волосам, пролилась бы на него золотым дождем! Но она не была осенью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.